ЭКСЛИБРИС
76 2/54

8032.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
ДЛЯ ЧТЕНІЯ
П. И. КРАШЕНИННИКОВА.
№ 15030

76 2
54

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ

о степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи,

ПРЕДСТАВЛЕННОЕ

Ст. Лебедевымъ

ВЪ 1-Е ОТДѢЛЕНІЕ ФИЛОСОФСКАГО ФАКУЛЬТЕТА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА ПО РАЗРЯДУ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1848.

Печатать позволяется,

по опредѣленію 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета Императорскаго С. Петербургскаго Университета. 12 Іюня 1848 года.

Деканъ *Н. Устряловъ.*

Гос. Историч. Научн. Б-ка
Инвент. № 295026
193 г.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I. Великороссійскій языкъ и польскій, въ развитіи своемъ, не зависѣли одинъ отъ другаго.

II. Въ западной Россіи вліяніе польскаго на русскій языкъ замѣтно съ половины XIV ст. въ гражданской письменности и съ начала XVI в. въ духовной.

III. Въ православныхъ училищахъ западной Россіи вліяніе Польши было только внѣшнее, которое еще менѣе могло оказаться въ великороссіи.

IV. Внутреннимъ устройствомъ православныхъ училищъ западная и восточная Россія первоначально обязана была Грекамъ.

V. Преимущество латинскому языку предъ греческимъ уступлено было послѣ въ русскихъ духовныхъ училищахъ по духу вѣка, общаго тогда въ Европѣ, и схоластическаго образованія.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I. Великороссійскій языкъ и польскій, въ развитіи своемъ, не зависѣли одинъ отъ другаго.

II. Въ западной Россіи вліяніе польскаго на русскій языкъ замѣтно съ половины XIV ст. въ гражданской письменности и съ начала XVI в. въ духовной.

III. Въ православныхъ училищахъ западной Россіи вліяніе Польши было только внѣшнее, которое еще менѣе могло оказаться въ великороссіи.

IV. Внутреннимъ устройствомъ православныхъ училищъ западная и восточная Россія первоначально обязана была Грекамъ.

V. Преимущество латинскому языку предъ греческимъ уступлено было послѣ въ русскихъ духовныхъ училищахъ по духу вѣка общаго тогда въ Европѣ, и схоластическаго образованія.

Съ 988 года по Р. Х. и, вѣроятно, еще ранѣе начали входить въ употребленіе у русскаго народа св. писаніе и церковныя книги, незадолго передъ тѣмъ временемъ переведенныя со греческаго языка на одно изъ словенскихъ нарѣчій, но не русское (1). Съ того времени на русской почвѣ мирно водворилось нарѣчіе, родственное русскому, но уже отличавшееся отъ него особенностями своими личными и внесенными въ него вліяніемъ греческаго языка въ переводѣ св. писанія (2), преимущественно же въ лексическомъ отношеніи. Возвѣщая новопросвѣщенному народу высокія истины христіанскаго откровенія отъ лица св. Церкви и предлагая ему наставленія въ отношеніяхъ его къ Церкви и обществу, оно выше и священнѣе становилось въ глазахъ народа предъ роднымъ его говоромъ. Такъ, даже въ концѣ XVII в. «москвитяне говорили», замѣтилъ иностранецъ, «что разговаривать должно порусски, а писать словенски (3).» Въ этомъ убѣжденіи просвѣщенные предки наши, въ древнія времена существованія государства, изображали языкомъ св. писанія и книгъ богослужебныхъ и такіе предметы, которые прямо касались общественнаго ихъ быта. Въ послѣдующія однакожъ времена употребляли тамъ слова и выраженія народной своей рѣчи, которыя тѣмъ въ большемъ числѣ встрѣчаются, особенно въ памятникахъ гражданской письменности, чѣмъ ближе къ намъ жили ихъ составители.

Церковнословенская же собственно письменность не ограничивалась одною Россіею. Въ Болгаріи и Сербіи также много трудились надъ переводомъ, сочиненіемъ и списываніемъ книгъ. Оттуда онѣ переходили къ намъ и иныя уцѣлѣли до нашего времени. Хотя всѣ онѣ писаны языкомъ церковнословенскимъ, но какъ составители ихъ или переписчики были изъ разныхъ поколѣній и мѣстностей словенскаго племени, то особенности ихъ выговоровъ неминуемо должны были остаться въ ихъ трудахъ: «Одни изъ нихъ почитали нужнымъ замѣнить невразумительныя для нихъ слова или окончанія употребительными въ ихъ время и въ ихъ діалектѣ, чтобы быть понятными для народа, среди коего писали. Другіе самопроизвольными перемѣнами думали придать правильность языку, который въ доставшихся имъ книгахъ, можетъ быть, дѣйствительно былъ искаженъ неучеными переписчиками, или коего древнія правильныя формы могли показаться имъ ошибками переписчиковъ, когда онѣ въ ихъ время были уже неупотребительны (4).»

Польша рано (5) оставила православіе и Кирилловскую азбуку; приняла богослуженіе и книги латинской Церкви и осталась имъ вѣрною. Поэтому она и не могла внести своего элемента въ церковнословенскія старинныя книги, подобно православнымъ сербамъ (6) и русскимъ (7), у которыхъ онѣ употреблялись. Только въ послѣдующія времена, (съ самаго начала XVI ст., замѣтно вліяніе ея языка въ церковнословенскихъ книгахъ, печатанныхъ въ югозападныхъ областяхъ русскихъ, и еще ранѣе въ памятникахъ гражданской письменности того же края, въ которомъ языкъ русскій, и самъ по

себѣ, съ давнихъ поръ, имѣлъ нѣкоторыя отличія отъ сѣверовосточной отрасли.

Онъ, въ цѣломъ составѣ своемъ, служилъ живымъ органомъ выраженія мыслей и чувствованій для жителя сѣвера и юга, запада и востока Руси, на обширномъ пространствѣ которой, по замѣчанію лѣтописцевъ, народъ обиталъ въ отдѣльныхъ обществахъ (8), имѣвшихъ *обычаи свои, и законъ отець своихъ, и преданья, кождо свой нравъ*. Естественно было и въ языкѣ тѣхъ отдѣльныхъ обществъ образоваться большимъ или меньшимъ особенностямъ, которыя и были главною, внутреннею, причиною мѣстныхъ разностей языка русскаго, полнѣе развившихся въ послѣдующія времена (9). Это явленіе, оставившее болѣе или менѣе замѣтные слѣды въ старинной письменности нашей, рѣзче обнаруживалось въ памятникахъ ея послѣдующихъ вѣковъ, когда живая русская рѣчь вносила такъ много своего въ письменную, особенно подъ перомъ свѣтскихъ людей, писавшихъ о дѣлахъ житейскихъ въ разныхъ областяхъ русскаго народа. Оно было тѣмъ естественнѣе, что въ раздробившейся Руси не было одного средоточія правительственныхъ силъ государства, въ которомъ и языкъ, не смотря на областныя свои отличія въ говорѣ народа, какъ орудіе правительства, представлялъ бы единство въ формахъ и въ складѣ рѣчи. Даже и позже въ московскомъ государствѣ, когда оно уже сосредоточило въ одномъ мѣстѣ силы всего своего состава, долгое время было большое разнообразіе въ правописаніи. Въ старину мы руководствовались орфографіею болгарскою, не вездѣ ладившею съ особенностями роднаго нашего нарѣчія, и потому, часто, не знали, что дѣлать съ иными буквами (10), а своего домашняго пра-

вописанія еще не устроили. «Будетъ кто въ челобитьѣ своемъ напишетъ въ чьемъ имени или въ прозвищѣ не зная правописанія вмѣсто о, а или вмѣсто а, о, или вмѣсто ь, ъ, или вмѣсто ѣ, е, или вмѣсто и, і, или вмѣсто о, у, или вмѣсто у, о, и иныя въ письмахъ нарѣчія подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился и по обыкностямъ своимъ говорить и писать извыкъ, того въ безчестье не ставить» (11), указомъ объявилъ царь Алексѣй Михайловичь.

Въ слѣдствіе означенныхъ обстоятельствъ, необходимымъ становится, по крайней мѣрѣ съ XIV ст., разсматривать письменность духовную на церковнословенскомъ нарѣчіи отдѣльно отъ гражданской на русскомъ. Въ томъ же и въ другомъ отдѣлѣ мѣстныя особенности языка народа, преимущественно сѣверовосточной половины и югозападной, съ своей стороны наложили печать своего характера на языкъ письменный. Поэтому и здѣсь письменность обоихъ разрядовъ дѣлится на сѣверовосточную и югозападную. Послѣднее обстоятельство тѣмъ важнѣе въ исторіи языка русскаго для настоящаго случая, что половина русскаго народа, говорившаго имъ, подверглась вліянію сосѣдняго государства, Польши, отъ котораго неуклонился и языкъ его письменности.

Югозападныя области Руси, со времени нашествія монголовъ, не долго оставались подъ правленіемъ князей изъ дома Владиміра I. Съ начала XIV в. они стали входить и, въ короткое время, вошли въ составъ княжества литовско-русскаго, образованнаго политикою и мечемъ Гедемина и его преемниковъ, а червонная русь тогда же (1340 г.) подчинилась польскому королю. Вскорѣ потомъ (1386 г.) и онѣ должны были составить одно государ-

ство съ польскимъ королевствомъ, когда наслѣдственный ихъ князь, Ягелло, принялъ и польскую корону, предложенную ему польскими магнатами. Послѣдніе видѣли большую выгоду личную и государственную въ союзѣ съ такимъ княжествомъ, каково въ то время было литовско-русское. Многіе и изъ князей прельщались короною королевскою. Латинское духовенство, съ своей стороны и для своихъ цѣлей, желало поддержать ихъ стремленіе сблизить два народа въ союзъ одного государства вопреки нерасположенію къ тому русской стороны, неоднократно обнаружившемуся выборомъ себѣ особаго князя и постояннымъ желаніемъ возобновить прежнее государственное единство съ сѣверовосточною Русью. Съ того времени началась борьба двухъ народовъ, родственныхъ по происхожденію, но различно устроившихъ свой бытъ, и болѣе двухъ вѣковъ продолжалась съ постоянно усиливавшимся перевѣсомъ на сторонѣ польской.

Правда, русскій языкъ, попрежнему, тамъ былъ не только народнымъ, но и правительственнымъ: на немъ долгое время говорили даже и при дворѣ великихъ князей и въ знатнѣйшихъ русскихъ домахъ (12). Судопроизводство въ русскихъ областяхъ было, большею частію, на русскомъ же языкѣ (13), который дошелъ тамъ до такого состоянія, что ученый Линде чистотѣ его приписываетъ то, что польскій слогъ въ переводѣ литовскаго Статута почитался образцовымъ (14). Но, храня свое бытіе, языкъ заднѣпровскихъ обитателей Руси не соблюлъ первобытной чистоты своей. (Съ первыхъ памятниковъ письменности *) въ составъ его начали вхо-

*) Одни изъ нихъ писаны туземнымъ русскимъ нарѣчіемъ, другіе на польскомъ языкѣ, иные на латинскомъ и немногіе на нѣ-

дить полонизмы, состоявшіе въ употребленіи въ его рѣчи польскихъ словъ или коренныхъ его словъ въ польскихъ формахъ. Вотъ начало одного изъ древнѣйшихъ (около половины XIV ст.) памятниковъ западнорусской гражданской письменности — договорной грамоты литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казиміромъ: «Вѣдаи то каждый чѧвкъ. кто на тыи листъ посмотрить. ѡже и князь ѳоунутій, и кистютии, и пр . . . . чинимы миръ твердыи. искоролемъ казимиромъ польскымъ и пр. . . . а за вели́кого кнѧза ѡлькѣрта и пр. . . . . мы ислюбѹемъ, тотъ миръ держати вѣлми твердо, безо всякоѣ хитрости. не занимати намъ королевы землѣ, ни его людии̑ што его слухаютъ, королеви держати львовьскую землю исполна, а намъ держати володимѣрьскую и др. . . . . а миръ ѿ покрова ѳцѣ до ивана дне до купалъ и пр. (15). Тоже состояніе языка и въ слѣдующемъ актѣ (отъ 1414—1429 года): «Мы великій князь Витовтъ дали есмо сюю нашу грамоту Бедриху, што держитъ отъ насъ двѣ селищи . . . . . у смотрицкой волости; колижъ быхомъ хотѣли тыи двѣ селищи любо узяти у него, или кому приволили быхомъ выкупити, и тогды имѣемо дати ему за тыи двѣ селищи шестьдесятъ копъ тую Подольскими полугрошники, по той личбѣ какъ у подольи идеть (16).» Въ этихъ актахъ и въ немногихъ другихъ того же времени основа рѣчи языка и многія формы словъ почти не

мецкомъ. Для настоящаго вопроса существенно важны только первые. Два же слѣдующихъ за тѣмъ разряда памятниковъ служатъ прямымъ доказательствомъ только того, что польское правительство, еще со временъ Ягелло, пыталось писать акты и для русскихъ областей на языкахъ чуждыхъ имъ, но у него употребительныхъ. Кажется, съ конца XVII ст. (1697?) вовсе прекратилось совершеніе актовъ на русскомъ языкѣ въ заднѣпровскихъ русскихъ областяхъ, оставшихся въ составѣ Рѣчи Посполитой.

разнятся отъ современныхъ особенностей сѣверовосточной его отрасли. Для сравненія приводимъ мѣсто изъ грамоты, писанной на пергаментномъ листѣ 1356—1387 г. (17): «А язъ князь Великий Олегъ Ивановичь, што есмь далъ Арестовское село Святой Богородици дому, и што прадѣди наши подавали которая мѣста и люди, и што бояре подавали дому Святой Богородици, того хочю боронити, а не обидѣти ничимь дому Святой Богородици; а волостели, и даньници, и ямьщики ать не займають Богородицьскихъ людий ни про што же; а кто изобидитъ домъ Святой Богородици, или Князь, или Владыка, или волостель, или кто иный, тотъ дастъ отвѣтъ передъ Богомъ. . . .» Но и въ нихъ нельзя не признать явными полонизмами слова: *личба, слюбуемъ, чл҃вкъ, вс҃кого*, между другими, менѣе опредѣленными по характеру формы. Въ актахъ же слѣдующихъ вѣковъ число ихъ постоянно увеличивалось по мѣрѣ того, насколько и гдѣ усиливался польскій элементъ въ областяхъ русскаго народа. Тутъ необходимо однакожъ допустить изключеніе для тѣхъ немногихъ грамотъ, которыя писаны были отъ литовскихъ великихъ князей къ государямъ московскимъ, къ Новгородцамъ, Псковичамъ и даже къ удѣльнымъ ихъ князьямъ; потому что въ нихъ языкъ русскій, сравнительно съ современными, менѣе изпещренъ полонизмами. Въ 1500 году литовскій князь Александръ писалъ въ Москву Іоанну III: «Александръ, Божою милостью великій князь всказалъ: Мы по тобѣ братѣ нашомъ надѣялися вѣчноѣ дружбы: ты пакъ ся намъ открылъ у великую непрыязнь; войну еси и огонь въ нашу землю пустилъ; городы и волости наши знамениты и люди твои позасѣдали, а иныи выжгли и выграбили,

и, вже еси въ нашу землю войну пустивши, къ намъ зъ своею грамотою розметною прислалъ, а складывая зъ себе докончанье и крестное цѣлованье и покладаючи тыи вины на насъ, чогожъ мы и въ помышленьи нашомъ не мѣли и не маемъ (18).» Сравни многія другія тамъ же подъ №№ 41, 48, 49, 50, 58, 63, 80, 88 и 89, 105, 109 и 110, 113 и 114, 116, 122 и 123, 150, 180, 200 и под. съ №№ 100, 101, 104, 135, 206 и подобными. Въ большей же части дѣловыхъ бумагъ того края, языкъ русскій все болѣе и болѣе изкажался полонизмами, особенно подъ перомъ людей, повидимому, усердно содѣйствовавшихъ интересамъ польскаго правительства. Въ доказательство представляемъ рядъ выписокъ изъ граматъ XV вѣка, XVI и XVII:

1443 года: «А для того жъ, абы тая церковъ восточная и еѣ преложеные и все духовенство набоженства греческого и русского, въ шырокости панствъ нашихъ и панованью нашему подлеглыхъ кгдѣ — колвекъ мешкаючіи, которыи и первѣй за тою разностью и разорваньемъ, нѣяко утисненье поносили, абы за приверненьемъ имъ волности, хвалѣ Божой служити и ласки Збавителя нашого о спасеніе вѣрныхъ душъ и светоѣ вѣры утвержденіе, въ сладости покоя, обфитей (uberius) просити могли. . . . . А надъ то хочемъ мѣти, и симъ листомъ нашимъ сказуемъ, абы отъ сего часу, жаденъ зъ дигнитаровъ, старостъ, врядниковъ и обывателевъ панствъ и зъ поддапныхъ нашихъ, якого-колвекъ стану и достоинства быти мѣли, а звлаща (praecipue) королевства нашого полского верхуписаные, а особливе земль пашихъ рускихъ и подолскихъ и иныхъ прилеглыхъ, владзы (de jurisdictione) прерченыхъ епископовъ, вла-

дыкъ и иныхъ преложоныхъ тогожъ набоженства греческого и руского, а ни судовъ ихъ поповскихъ, а звлаща въ справѣ разводовъ малженскихъ, отъ сего часу, ни якимъ способомъ не прекажати: хотябы тежъ и не вѣсть якіе звычаѣ, въ землѣхъ помененыхъ, противные досѣля заховалися, ино тому противни быти не маютъ (19).»

1501 года: «Допустилихмо презъ нинѣйше листы, ижъ земяне прерченыи сего повѣту добра свои дѣдичне, альбо за пѣнязѣ куплены, тежъ продать, замѣнить, заставить, и тежъ къ ужиткомъ своимъ добрымъ могутъ обротить, яко ся будетъ имъ лѣпѣй видяло, и могутъ выдать, а вшакожъ за нашимъ або за нашего старосты дозволеньемъ, кторы бы былъ на тенъ часъ, которему старостѣ допустного онъ, кторы купуетъ, копу маетъ дати (20).»

1506 года: «Ино мы, зъ ласки нашое, видячи его, ижъ онъ мѣшкаетъ на шляху татарскомъ и завжды горла своего на службѣ нашой не лютуетъ, и хотячи его напотомъ мѣти охотнѣйшаго и поспѣшнѣйшого къ службѣ нашой, въ томъ есмо ему ласку нашу вдѣлали, тыи селища. . . и рогъ лѣсу ему есмо дали. . . нехай онъ (ихъ) держитъ (21).»

1589 года: «Wзна'муемъ симъ нашымъ листомъ в wбецъ, кому бы того потреба было и належало ведати: дали намъ справу мещане нашы места могилевскаго права ма'дебурского. . . и сами wтъ себе и wтъ всее Рады и посполства помененаго места могилевского, wповедаючы передъ нами Государемъ згодное постановене ново в порадку месткомъ, межу собою wтъ всихъ згодне учыненое, то естъ, ижъ де' они зезволившыся на то для досконалшое и певне'шое безпечности отпра-

вованя всякихъ справъ, яко судовыхъ, враду месткому належачыхъ, такъ же и в собираню съ часомъ належнымъ с посродку себе особъ до Рады и на врады месткие, и тежъ для дозреня и ведомости всякихъ припадлыхъ в потребахъ месткихъ метовъ албо податковъ; которые водлугъ часу до скрынъки месткое и на иные потребы розные выбираны у нихъ бываютъ. . . . (22).»

1605 года: «Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всимъ вобец и кожъдому зособна кому то ведети належыт, Преложоно намъ иж кгды продокъ и вуй нашъ славное памети король его милость Жикгмонтъ авъгуст ведучы валку съ великимъ княземъ московскимъ, А потребуючы пенезей, на потребы военъные передъ унiею взять и позычыт рачылъ у Петра Цыприского, дворенина своего, осмисотъ чырвоныхъ золотых, личечы в кожъды золоты по петидесятъ и потры гроши польскихъ заставивши ему в той сумѣ пенезей волосьть речыцкую, встаросте берестейскомъ лежачую, зовсимъ яко тая волосьть до столу его королевское милости на тотъ часъ. . . . . прышла (23).»

1633 года: «Привилей нашъ особливы дали водлугъ тыхъ привелеевъ, и звычаю давнего тымъ брацствомъ радит и справоват добрами всякими того брацства такъ лежачими яко и руховыми цинъшами и приходами такъ тыми которые тепер при брацстве суть: яко и которыхъ бы на потомъ набыли и приспособили и якимколвекъ способомъ до того брацства ихъ належачими ку лепшему пожиткови брацтва того шафовати и оборочат одошлые отъ того брацтва их, або якимъколвекъ способомъ, от когоколвекъ затриманые або задержаные обыскивать и правомъ доходит процесса о добра и приходы

брацкие на якомколвек стопню або, термине з якимиколвекъ особами, любъ то прыватными, любъ публичными зосталые и затриманые конъчити и до екзекуции и до сконалаго скутку и конъца приводити такъ, абы вжадной речи вжадномъ пунъкте, артикуле, наданю, належности, уживаню, правом и привелеем брацства того менованого, ни вчомъ не дерокговало, ани умнейшало, вчомъ жадное им в том перешкоды, трудности, або перенагабаня якого чинити не позволяемо и боронимо (24).»

Нарочно останавливаемся въ дальнѣйшихъ выпискахъ изъ ближайшихъ къ намъ по времени грамотъ югозападныхъ, въ которыхъ полонизмы до такой степени многочисленны, что вся рѣчь отзывается духомъ польскаго языка, и обращаемъ особенное вниманіе на представленные нами образцы языка въ древнѣйшихъ грамотахъ того края: въ нихъ заключается прямое и непререкаемое свидѣтельство, что югозападная русская рѣчь пестрилась полонизмами съ XIV столѣтія.

Немногимъ счастливѣе были письменность югозападнаго края Руси на церковнословенскомъ нарѣчіи, подъ которою мы разумѣемъ сочиненія духовнаго содержанія и преимущественно св. писаніе. При единствѣ духовной власти на всемъ пространствѣ Руси, при общемъ глубокомъ уваженіи къ церковнословенскому нарѣчію, не могло и быть большой разности въ господствовавшемъ образѣ выраженій. На него смотрѣли какъ на хранилище божественной мудрости, христіанскаго откровенія, и какъ на завѣтъ особеннаго благоволенія Божія къ народу. А потому рѣдко осмѣливались измѣнять въ его рѣчи слова и выраженія, опасаясь нарушить смыслъ и измѣнить свя-

щенное содержаніе. Но вскорѣ послѣ того, какъ надъ югозападною православною Русью, по волѣ литовскорусскаго князя, поставленъ былъ особый митрополитъ, независимо отъ всероссійскаго, московскаго (25), въ Прагѣ напечатаны были почти всѣ книги ветхаго и новаго завѣта, составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость: нѣкто «докторъ въ лекарскихъ наукахъ, францискъ, сынъ Скорининъ, изъ славнаго града Полоцка, *выложилъ* ихъ на *прироженый* ему русскій языкъ *Богу ко чти и людемъ посполитымъ къ доброму наученію.*» Трудно опредѣлить характеръ языка, прироженаго ученому доктору! Формы церковнословенскаго нарѣчія въ немъ не рѣдки, особенно въ первыхъ книгахъ Моисеевыхъ, которыя печатаны, повидимому, съ готоваго перевода, безъ подновленія; въ иныхъ же мѣстахъ такъ много польскихъ словъ, что безъ знанія польскаго языка невозможно понять текста; съ своей стороны и туземный русскій языкъ внесъ нѣсколько своихъ элементовъ. Изъ всѣхъ этихъ стихій образовался смѣшанный языкъ въ Скорининой библіи, какой можно найти только въ сочиненіяхъ Петра Могилы и нѣкоторыхъ его современниковъ, когда знаніе польскаго языка на западѣ Руси до такой степени сдѣлалось необходимымъ, что многіе духовные русскіе ученые писали свои сочиненія на польскомъ языкѣ.

Между тѣмъ Скорина нашелъ себѣ весьма немногихъ подражателей въ языкѣ, менѣе притомъ усердныхъ къ полонизмамъ. Большая же часть изданій того вѣка и края отличается особенною чистотою церковнословенскаго нарѣчія. Къ этому сильно способствовали особенно два обстоятельства. Главное—ревность къ чистотѣ православія многихъ поборниковъ русской народности,

которые не могли не оскорбиться страннымъ составомъ языка Скорины и, естественно, видѣли въ немъ неправое уклоненіе отъ библейскаго образа выраженій, освященнаго давностію лѣтъ, величіемъ своимъ и важностію содержанія. Въ благочестивомъ стремленіи къ поддержанію чистоты библейскаго языка помогъ имъ особенный случай: первые книгопечатники московскіе, «озлобленія и зависти ради» оставившіе великороссію, удалились въ югозападную Русь. Тамъ радушно были они приняты и печатали православныя книги по желанію своихъ благодѣтелей. Между трудами ихъ почти буквальнымъ сходствомъ отличается напечатанный (въ 1574 г.) Иваномъ Ѳедоровымъ во Львовѣ Апостолъ съ первенцемъ московской типографіи 1564 года. Быть можетъ, изгнанникъ успѣлъ взять съ собою первое произведеніе своего искусства и съ него перепечаталъ во Львовѣ. Въ немъ нѣтъ полонизмовъ; за особенную рѣдкость и въ другихъ трудахъ ихъ нужно почитать польскія слова. Когда же задумали въ томъ краѣ напечатать полную библію, съ какою осторожностію приступили тогда къ такому важному дѣлу: Собрали много книгъ *различныхъ писменъ и языковъ;* испросили у константинопольскаго Патріарха *людій* (*книгочій*), *наказанныхъ въ писаніахъ святыхъ, еллинскихъ и словенскихъ*, и, съ общаго согласія, положили сдѣлать сводъ изъ греческой, еврейской и словенской, которую нарочно выпросили тогда у Іоанна IV, московскаго государя, какъ старинную. Ея-то текста, вѣроятно, редакторы и придерживались. Оттого въ ней почти нѣтъ полонизмовъ сравнительно съ Скорининою библіею. Въ послѣдствіи времени, въ 1663 г., царь Алексѣй Михайловичь, «совѣтомъ и благословеніемъ

Гос. Историч.-Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №

преосвященныхъ митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, и всего освященнаго собора, повелѣ вскорѣ издати, съ готоваго перевода, князя Константина Острозскаго печати, неизмѣнно, кромѣ орѳографіи и нѣкихъ вмалѣ именъ и рѣченій нуждпѣйшихъ, явственныхъ погрѣшеній.» И дѣйствительно, почти только въ орфографіи между двумя означенными изданіями библіи большая разница: въ Острожскомъ разныя части рѣчи часто печатаны слитно, безъ всякаго промежутка, требуемаго условіями правописанія. Въ XVI в. вообще ученые издатели не обращали на это строгаго вниманія, не видя образцовъ и не подготовясь къ тому граматическимъ анализомъ, о которомъ тогда имѣли смутное понятіе. Надъ московскимъ же изданіемъ трудились люди, уже знакомые съ грамматикою и потому правописаніе у нихъ вѣрнѣе Острожскаго нетолько въ раздѣльномъ начертаніи разноразрядныхъ словъ но и въ употребленіи формы многихъ изъ нихъ, которая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, поправлена была на церковнословенскую восточнорусскую. Чтобы очевиднѣе представить разность языка въ означенныхъ трехъ изданіяхъ библіи, за необходимое считаемъ привести изъ нихъ одни и тѣже мѣста:

№ 1. а),, Скорины книги а҃ Моисеовы бытьꙗ глава в:

Гдь богъ доконавъ делъ своихъ в'шести днехъ ѡпочинулъ д'ня сед'маго и҆о҆свѧтилъ и҆. ѡ҆вчинениѝ раю роскошеѝ, и ѡс'творениѝ Є҆в'ги скости А҆дамовы:

И тако совер'шишесѧ небеса и земля, и все ꙋкрашениє и҆хъ. И҆доконалъ є҆ богъ д'ня шестаго дело своє є҆же сътворилъ, и҆ ѿпочинꙋлъ д'ня сед'маго ѿвсехъ делъ своих є҆же соделал. И҆благославилъ день сед'мый и посвятил и҆ Ꙗко внемъ былъ прѣсталъ ѿвсехъ дѣлъ сво-

и҆хъ их'же сотворилъ богъ дабы чинилъ. Сия суть бытья небеси и҆земли внегда сотворена суть, вдень воньже ѹчини богъ небо и҆землю и всяку хворостину польну преж'де нежели выхожала наземли, икажную былину с'транъ пер'вей нежели дала є҆ пл҃о свои҆. Ꙗко неѿдождил' былъ гд҃ь богъ на землю, и҆человѣк' небыл делая земли Но и҆сточ'никъ выхожаше з'земли намочая все лице є҆ѧ. Создал'же есть гд҃ь богъ человѣка вземъ персть ѿземли, иводхнул' влице его дыхани́є живота и҆бысть человѣк' вдушу живу. И насадил' былъ гд҃ь богъ раи кохания из'начала. Внем'же поставилъ человека егоже былъ создалъ. И҆́изведе гд҃ь богъ ѿземли всяко древо красно кпоз'ренію и҆добро коѹкушению. Древо теже живота посреди раю идрево ѹмения доброго излого. И потокъ исходяше зместа кохания намочая раи, ѹн'же ѿтоле раз'лучашеся вочетыри реки главныє.»

б) Острожской библіи Гл҃а в҃.

«Исъверши́шася н҃бо и҆землѧ, и всє ѹкрашеніе и҆хъ и҆́съверши҆ б҃ъ въдн҃ь шестый дѣла своя яже сътвори҆. Ипрепочи҆ въдн҃ь седны́й ѿвсѣхъ дѣлъ своих, ихже сътвори́ и бл҃гви б҃ъ, дн҃ь седмы́й, и҆ѹ҆ст҃и є҆гѡ̀, яко въ то́и почи҆ ѿвсѣ́х дѣлъ своихъ, ихже начатъ б҃ъ творити. Сія книга бытію нб҃сиже и земли. Егда бысть, въньже дн҃ь сотвори г҃ь б҃ъ нб҃о и землю, и всяк' злакъ се́лныи преж҃е даже быти на земли, ивсяку траву сельну прежде даже прозябнути. Ни бо одожди б҃ъ на землю и чл҃къ небяше дѣлати ю́. Источникъ же исхожаше изъземлѧ, инапаяше все лице земли. Исъзда б҃ъ чл҃ка персть взе^мъ ѿземли и вдуну въ лице егѡ дыханіе жизни, и бысть человѣкъ в'душу живу. И насади б҃гъ ра́и навостоцѣхъ въ едемѣ, ивъведѐ ту чл҃ка егоже създа. И прозябе б҃ъ

*

еще ѿземля всяко древо, красно въвидѣніе, и добро въснѣдь. И древо жизни посредѣ рая. Идрево еже вѣдѣти разумно добрꙋ̀ и лукаву рѣкаже исходить изъе҃д҃е́ма напаяти раи. та́мо разлучается въчетыри начала.»

в) Московской библіи 1663 года глава в҃.

«И҆ соверши́шася н҃бо и҆ землѧ̀ и҆ всѐ ѹ҆крашеніе и҆́хъ и соверши в҃гъ в҆день шестый дѣла̀ своѧ̀, ѧ҆̀же сотвори̇̀. И препочи в҆день седмый ѿ всѣхъ дѣлъ своихъ ихъже сотвори. И в҃лви в҃гъ день седмый, и ѡ҆ст҃и̇̀ ѐгѡ̀, яко въ той почи ѿ всѣхъ дѣлъ свои́хъ, и҆́хъже нача́тъ в҃гъ твори̇̀ти. Сія книга бытію нев҃сиже и земли. Егда бысть, во́ньже день сотвори гд҃ь в҃гъ н҃бо и землю и всякъ злакъ сельный прежде даже быти на земли, и всяку траву сельну прежде даже прозябнути Ни бо одожди в҃гъ на землю и чл҃къ не бяше дѣлати ю. Источникъ же исхождаше из҆ земли̇̀ и напаяше все лице земли. И созда̀ в҃гъ чл҃ка персть вземъ ѿ земли и вдуну в҆ лице его дыханіе жизни, и бысть чл҃къ въ душу живу. И насади Бгъ ра́и навостоцѣхъ въ едемѣ, и в҆веде ту чл҃ка егоже созда. И прозябе в҃гъ еще ѿ земли всяко древо красно в҆ видѣніе, и добро в҆ снѣдь. и древо жизни посредѣ рая. И древо еже вѣдѣти разумно добру и лукаву и рѣкаже исходитъ из҆ едема напояти ра́й. Тамѡ разлучается в҆ четыри начала.»

№ 2. а) Глава 41 изъ библіи 1519:

«Оснехъ еже виделъ фараонъ Іосифъ выложил҆ ему, И подлуг҆ его выкладу пришли на землю сед҆мъ лѣтетъ плодовитыхъ потом҆ гладныхъ Іо҆́сифъ стареишим҆ был҆ воегипте, и родишеся ему сыны:»

«И бы҃ть подву лѣтехъ виде фараонъ сонъ мняшеся этоя над҆рекою, снеяже выступовало сед҆мъ кравъ

добрыхъ, и велми сытыхъ, ипасяхуся помокринахъ. Иных'' теже сед''мъ зреки выхожало злыхъ и велми либевых'' Ипасяхуся побрѣгу тоежъ реки поместехъ зеленыхъ и сожрали тыхъ их''же дивная краса исытость телес'' была є҃. Прочутивъ фараонъ, А҆о҆пять ꙋснул'' ивидел'' другый сонъ. Сед''мъ класовъ выросло с''стебла единого пол''ных'' икрасных''. Иныхъ'' теже толикож'' класовъ тон''кихъ иꙋвялыхъ выростало пожирающи всю красу первыхъ. Пробудився фараонъ ѿсна ивнегда было рано ꙋлякнул''ся ипослалъ повсехъ сказателев'' ипомудръцевъ Египет''скихъ.»

б) Глава 41 изъ библіи 1581 года:

«Бысть посемъ въ второе лѣто дн҃и. видѣфараонъ сонъ. Мняшеся стоя набрезѣ рѣчнѣмъ, исе аки ѿрѣки исхождаше седмькравъ добра взору іизбранны телесы, ипасяхуся побрегу. И другіяже кравы седмь, посихъ изыдоша изрѣки злы, образомителесы худы и пасяхуся съкравами побрегурѣчному. Іизыидоша *) сѣмь злыя възоромъ, ихудыя телесы сѣмь кравы добрыхъ. образомизбранныхъ. Исія невидими быша, иже вънидоша въ чресла ихъ. Съставже фараонъ ивидѣ сонъвторыи, исе сѣмь кла҃ исхождаху исстебліяедінаго избраніи и добры. Другаяже сѣмь класъ тонцы истончени вѣтромъ, изницахупонихъ, и пожроша сѣмь кла҃ тонцы истончени. сѣмь класъ избранныхъ и плъныхъ. Съставъже фараонъ ѿсна, яковы заутра. Ивъзмутися душа его. пославшиже съзва вся сказателя егѵпетъскы, и вся мудрыя ихъ.»

в) Глава 41 изъ библіи 1663 года:

«Бысть посемъ во второе лѣто дни, видѣ фараѡнъ

*) вмѣсто Іизъядоша: эта ошибка замѣчена была въ московской библіи.

сонъ. Мняшеся стоя на брезѣ рѣчнѣмъ, и се аки ѿрѣки исхождаше, седмь кравъ добра взору, и избранны телесы и пасяхуся по брегу. И другія же кравы седмь, посихъ изыдоша из'рѣки злы, образомъ и тѣлесы худы, и пасяхуся с''кравами по брегу рѣчному. И из'ядоша седмь злыя взоромъ, и худыя тѣлесы, седмь кравъ добрыхъ, образомъ избранныхъ. И сія невидими быша, иже в'нидоша в'чресла ихъ. Воставъ же фараѡнъ, и видѣ сонъ вторыи, и се седмь класъ исхождаху из'стеблія єдинагѡ, избранніи и добры. Другая же седмь класъ тонцы истончени вѣтромъ, изницаху понихъ, и пожроша седмь кла҃ тонцы истончени, седмь кла҃ избранныхъ и полныхъ. Воставъ же фараонъ ѿсна, яко бысть заутра, и воз''мутися душа егѡ. Пославъ же созва вся сказатели ег'ѵ'петскія и вся мудрыя ихъ.»

№ 3. α) «Премудрость Божия» гл. I. 1519 года:

«Любите справедливость вы и҆же судите землю. Смышляите о҆́гд҃у богу вдобротѣ, и҆ въ простости ср҃ца соглѣдайте его Ꙗко знайденъ бываѐть ѡтыхъ о҆́ниже неи҆скушаю́тъ єго, и является тымъ о҆́ниже веру имаютъ внемъ. Превращеные ꙋбо мысли ѿлучають ѿбога, искушенаяже цнота наказуеть немудрыхъ. Понеже възлобивую душу невнидеть мудрость, ини пребывати будетъ втеле подъданомъ грехомъ. Духъ убо ст҃ыи наказания ѿдалится ѿ человѣка льстиваго, и҆ѡ́дыйдеть ѿтых' мыслей еже суть безъ розуму, икаранъ будеть ѿприхожающєго безакония. Добротливыйубо естъ духъ мудрости, и҆нейзбавить злорѣченого ѿустъ его. Понеже лядвеи его свидетель є҃ богъ, и сер'ца его спытатель естъ правый, и языка его послухатель.»

б) «Премудрости соломони» гл. 1. 1581 года:

«Възлюбите правду судящеи землю. мудръствуите о҆г҃ѣ въ бл҃гостыни, и҆въпро́стости ср҃ца възы́щете его. ꙗ҆́ко о҆бра́щется неи҆скушаю́щимъ его, яви́т҆жеся неневѣ́рующимъ є҆му. Стропти́вая бо помышле́нія ѿлучаютъ ѿ г҃а, искушенаже си́ла обличитъ безум҆ныхъ. яко възлохудожну дш҃у не внидетъ премудрость, ни о҆битаетъ втелеси пови́ннемъ грѣхомъ. Ст҃ыибо дх҃ъ наказанія ѿбѣжитъ л҆стива, и ѿимется ѿпомышленіи безразумныхъ, и҆ о҆бличит҆ся ѿнаходящаго безаконія. чл҃колюбенъ бо дх҃ъ премудрости, инеизвинитъ проклятаго ѿоу҆стенъ єго. яко внутрьних его свѣдѣтель есть б҃ъ, и ср҃цу его изыскатель и҆́стиненъ, и языка слышатель.»

в) «Книга премудрость Соломона» гл. I. 1663 года:

«Возлюбите пра́вду судящіи земли. Мудръствуи́те ѡ г҃дѣ въ бл҃гостыни, и в҆ простости ср҃ца взыщи́те его. Яко обрящется не искушающымъ его, явит҆жеся не невѣрующымъ ему. строптивая бо помышленія ѿлучаютъ ѿ б҃га, искушенаже сила ѡбличитъ безумныхъ, яко в҆ злохудожну душу не в҆нидетъ премудрость, ни обитаетъ в҆ тѣлеси повиннѣмъ грѣхомъ. ст҃ыи бо дх҃ъ наказанія ѡбѣжитъ льстива. и ѿ и҆́мется ѿ помышленій без҆разумныхъ, и обли́чится ѿнаходящаго беззаконія. чл҃колюбенъ бо дх҃ъ премудрости, и не извинитъ проклятаго ѿ оустенъ єгѡ̀. Яко в҆нутреннихъ егѡ свѣдѣтель есть бг҃ъ, и ср҃цу его изыскатель истиненъ, и языка слышатель.»

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно: 1) Скорина въ языкѣ своей библіи нерѣдко замѣнялъ слова и формы старинныя церковнословенскія словами и формами *прироженаго* ему языка, особенно въ тѣхъ книгахъ, которыя онъ переводилъ съ латинскаго языка; 2) между

тѣмъ какъ издатели Острожской библіи старались сохранить чистоту древняго текста, бывшаго у нихъ подъ рукою; 3) Московская же библія служитъ прямымъ доказательствомъ, какъ легонькіе полонизны Острожской библіи, съ которой ее печатали, и послѣдніе изчезали въ Москвѣ и на ихъ мѣстахъ являлись слова и чаще формы словъ восточнорусскаго нарѣчія. Великороссія какъбы въ атмосферѣ своей имѣла ту жизненную силу, которая все чужое перерабатываетъ посвоему, не пропуская въ народъ элементовъ, несвойственныхъ его характеру.

XVII вѣкъ въ исторіи образованности Россіи замѣчателенъ особенно строгою осмотрительностію, съ какою принимались тогда за всякое начинаніе, и высшее духовенство было на стражѣ нововведеній. На церковнословенское же нарѣчіе оно смотрѣло какъ на глаголъ, единственно достойный православной Церкви, дошедшій къ нему въ духѣ старины. Ихъ собственныя сочиненія и переводы, частію догматическаго содержанія, частію полемическаго, отличаются особенною чистотою мѣстнаго церковнословенскаго нарѣчія. Поэтому естественнымъ явленіемъ было и то, что тѣ самые ученые, которые по рожденію и образованію своему принадлежали къ югозападной Россіи, повидимому, отрѣшались отъ роднаго своего говора, писали языкомъ, господствовавшимъ въ московскомъ государствѣ, въ духѣ его началъ и особенностей, когда они пріѣзжали на службу въ великороссію и принимались за перо. Вникнемъ безпристрастнѣе и пристальнѣе въ складъ рѣчи и въ составъ словъ въ сочиненіяхъ Славинецкаго, Симеона Полоцкаго и проповѣдниковъ великорусскихъ начала XVIII вѣка. Труды перваго по слогу отличаются изысканностію выраженій

и оттого въ иныхъ мѣстахъ темны; но составъ его языка вездѣ есть восточнорусское церковнословенское нарѣчіе. Особенности въ немъ были слѣдствіемъ нестолько западнорусскаго образованія автора и знанія его польскаго языка, сколько особеннаго довѣрія его къ риторикѣ, наставлявшей кудряво вытягивать рѣчь по образцамъ древнихъ ораторовъ, и страсти его къ филологической обработкѣ языка, неоснованной на правильномъ анализѣ Симеонъ Полоцкій менѣе изысканъ въ языкѣ и складъ его рѣчи обыкновенное тогдашнее восточнорусское церковнословенское нарѣчіе. Вотъ мѣсто изъ его проповѣди (26): «Ангела земнаго, человѣка небеснаго, св. Іоанна Предтечи Господня, честныя главы усѣкновенія память совершаемъ нынѣ П. С Память сія есть пированіе духовное, на немже коею чашею имамъ вы учредити, виномъ ли веселія или слезами умиленія: недоумѣніемъ объять есмъ. Представилъ бымъ яко въ праздникъ вино веселія, но кровь неповиннѣ проліянная, глава отъ плоти отсѣченная, слезы отъ очесъ истекаетъ. Подалъ быхъ вамъ чашу слезъ умиленія, но кому слезы сладки; обаче лучша есть горячь врачевствъ здравотворныхъ, нежели сладость пищи вредоносныя. И Еклезіастъ глаголетъ: благо ходити въ домъ плача, нежели ходити въ домъ пира. Темже и азъ чашею слезъ горкихъ чествовати васъ умыслихъ, яко тѣми душевное исправляется здравіе и небесная пріобрѣтается сладость.» Въ сочиненіяхъ слѣдующихъ за нимъ по времени великорусскихъ проповѣдниковъ, югозападныхъ уроженцевъ, тоже нарѣчіе представляется еще болѣе развитымъ отъ вліянія тойже схоластической риторики и особенно отъ говора великорусскаго народа, которому они проповѣдо-

вали. Рѣдкое слово, изъ тысячи развѣ одно, иногда отзывается югозападною русскою формою. «Суть же въ нихъ (старообрядцахъ)», писалъ Димитрій Митрополитъ Ростовскій (ум. 1706 г.) въ *розыскѣ о раскольнической Брынской вѣрѣ*, «якоже слышимъ, и добрая (по человѣческому мнѣнію) дѣла: пощенія многая, молитвы продолженныя, поклоновъ число многое, трезвость и воздержаніе отъ хмелнаго питія и отъ яденія мясъ и рыбъ, и самое то ихъ пустынное (акибы по подражанію святыхъ отецъ) пребываніе, и иныя подвиги и труды, ими-же Богу угождати мнятся, яже мы неохуждаемъ, разсмотритъ же та всевидецъ Богъ. Но понеже доносится слуху нашему о ихъ хвастаніи, имже надъ Церковь Христову превозносятся, хвалящеся о своихъ подвизѣхъ и трудѣхъ молитвеннѣхъ и постническихъ; насъ же укоряютъ о яденіи и питіи, и о всемъ житіи нашемъ, въ грѣшныя ны, себеже въ святыя вмѣняюще.» Ѳеофанъ Прокоповичъ, за 10 лѣтъ до перемѣщенія своего въ великороссію и не бывавши въ ней никогда, въ привѣтственномъ словѣ своемъ Петру I, на прибытіе его въ Кіевъ (1706 г.), говорилъ: «Не память только и не самую кровь видитъ въ тебѣ Кіевъ помянутыхъ отецъ твоихъ; видитъ и познаваетъ въ тебѣ добродѣтели ихъ, и нравы, и обычаи. Видитъ побѣды и ревность Владимірову. Той многія народы мечемъ плѣнилъ, и Россію Евангеліемъ просвѣтилъ: ты многіи грады отеческіи отъ ига Оттоманскаго и отъ узъ еретическихъ мечемъ освободилъ еси. Видитъ любомудріе Ярославово. Той писанія Божественная и иныя многія книги отъ языку Еллинскаго на словенскій преведе: ты Академію въ Царственномъ твоемъ градѣ воздвиглъ еси, и вездѣ людьми учи-

тельными разширяти мудрость не престаеши. Видитъ въ тебѣ градъ нашъ Святославово благочестіе. Той основаніе Церкви Печерской рукама своима не устыдился копати: ктожъ своима очима и тебе въ подобныхъ дѣлѣхъ не токмо безсрамно, и съ радостію трудившагося невидѣ и пр.» Тѣмъже языкомъ писалъ онъ (1716 г.) и рѣчь Петру I, отъ лица великихъ княженъ: «Лучшею самыхъ частію насъ тамо мы доселѣ были, гдѣ не были: тѣломъ въ дому, духомъ же въ странствіи съ тобою пребывали. О которыхъ мѣстахъ твоего путешествія сказывала намъ вѣдомость, тамъ всегда и мысли наши. Но не удоволялася любовь умнымъ онымъ видѣніемъ, не видящи тебе очима тѣлесныма; и потому непріятно было намъ что либо утѣшенію служащее видѣти: не свѣтлы палаты, не веселы вертограды, не сладки трапезы и пр.»

Въ этомъ состояніи языка нельзя не видѣть прямаго доказательства, что и югозападные наши ученые и проповѣдники въ то время уже не пестрили своей рѣчи полонизмами, подобно своимъ предшественникамъ, которые жили впрочемъ совершенно при другихъ обстоятельствахъ Малороссіи. Въ первую половину XVII вѣка она почти не выходила изъ подъ власти Поляковъ, которые повсюду разсѣлялись между ея обителями и находили въ ней себѣ приверженцевъ. Потому-то и слово малороссійскихъ писателей того времени сильно изпещрено полонизмами. Но когда тотъ край отдался подъ державную руку московскаго царя и великороссы вступили въ дружественныя сношенія съ малороссами, какъ подданные одного царя, тогда и рѣчь малороссіянина не нуждалась въ полонизмахъ и они мало по малу изчезали, какъ уничтожалось все польское, пришлое. Самая кіевомогилян-

ская академія, въ лицѣ просвѣщенныхъ членовъ своихъ, заботливо очищала азыкъ отъ чуждой примѣси. «Доказательствомъ на это могутъ служить сочиненія лицъ, вышедшихъ оттуда въ XVII столѣтіи. Если сравнить слогъ современниковъ Петра Могилы, затѣмъ слогъ Лазаря Барановича, Іоанникія Голятовскаго съ слогомъ Антонія Радивиловскаго, св. Дититрія Ростовскаго и Гавріила Бужинскаго: какая разность, и вмѣстѣ какое замѣтное возрастаніе въ усовершенствованіи. До могилы мы видимъ слогъ больше польскій, чѣмъ славянскій; при немъ онъ смѣшенъ изъ того и другаго почти пополамъ; у Лазаря Барановича и Іоанникія Голятовскаго уже мало Польскихъ словъ; у Антонія Радивиловскаго еще меньше, у св. Димитрія и Гавріила Бужинскаго если и встрѣтите, то весьма рѣдко (27).» Этотъ отзывъ совершенно справедливъ по вѣрности и сообразности съ состояніемъ языка у каждаго изъ поименованныхъ малороссійскихъ духовныхъ писателей. Но чтобы очевиднѣе и полнѣе представить разность относительно полонизмовъ въ языкѣ у проповѣдниковъ, писавшихъ свои поученія для великороссовъ и малороссовъ, приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ послѣднихъ. Іоанникій Голятовскій въ предмовѣ къ полемическому сочиненію своему *месія правдивый* (1669 г.) говорилъ: «Написалесь и нарысовалесь то собѣ, на памяти своей, добрѣ: же, недавныхъ часовъ, року 1666, на Волыню, на Подолю, и въ всей Россіи малой, и въ великомъ князствѣ литовскомъ, и въ кролевствѣ полскомъ, и въ иншихъ панствахъ пограничныхъ, незбожность жидовская высоко поднесла была роги анѣмушу своего и помпы и гордости своей, и розвинула была пропорецъ сваволѣ своей, и почала была въ трубу зухвалства, на трыумфъ себѣ,

трубити, гды зъявился былъ, на сторонахъ всходныхъ, въ мѣстѣ Смирнѣ, якійсь шалбѣръ, который ся называлъ Месіашомъ жидовскимъ и ошукалъ жидовъ и до себе потягнулъ и обѣцался жидомъ Іерусалимъ и кролевство Палестинское, отчызну ихъ, привернути и выпровадити ихъ з неволѣ, въ которой ся оны на свѣтѣ, межи розными народы, знайдуютъ. На той часъ, глупыи жиды, будучи ошуканыи, трыумфовали, веселилися и сподѣвалися, же месія на оболокъ ихъ озметъ и до Іерусалиму, на оболоку, запровадитъ: и гды, надъ якимъ мѣстомъ, оболокъ показался, жиды, тое обачивши, хлюбилися предъ Христіанами и пр.» Не многимъ позднѣе Ант. Радивиловскій проповѣдовалъ (28): «Славный оный старозаконный Казнодѣя Сирахъ, маючи мову до сына своего о наученію розныхъ цнотъ, слухачу православныи. Межи иншими цнотами мелосердіе въ себѣ замыкающими, и сію положилъ, а быся не лѣнилъ людей хорыхъ навѣжати и ихъ ротовати, реклъ албовѣмъ такъ донего: сыне нелѣнися посѣщати болящія. Чого училъ Сирахъ сына своего, тое дне теперешнего исполняетъ самъ сынъ Божій, гды на плачливое волапье болящихъ, при овчей купели, яко въ шпиталѣ лежащихъ, приходитъ посѣщаючи ихъ, яко свѣдчитъ святый Евангелистъ Іоаннъ.» Такое же множество полонизмовъ и въ языкѣ *лѣтописи самовидца о войнахъ хмельницкаго* (29): «На весну заразъ видячи его царское величество, же Дорошенко тилко писмами свою зичливость освѣдчаетъ, а на сердци що иншого маетъ, и не попущаючи оному болшей зводити, войска немаліе зъ Москвы рушили, и повѣтъ Смоленскій, также Боярынъ князь Ромодановскій зобралъ великіе бѣлогородскіе силы и искупившися съ гетманомъ Ив. Самойловичемъ

войсками козацкими притягнули ко Днѣпру и пр.» Тутъ нетолько цѣльныя слова польскаго языка рядомъ стоятъ въ церковнословенскими, но и послѣднія нерѣдко вытянуты по формѣ первыхъ, такъ что вся рѣчь имѣетъ видъ церковнословенопольскаго нарѣчія и такое же на его сторонѣ право на это названіе, какъ складъ и составъ рѣчи св. Димитрія, Прокоповича, Яворскаго и Бужинскаго естественно могутъ слыть церковнословеновосточнорусскими!

Съ другой стороны даже несправедливо было бы и не оставить ихъ въ числѣ писателей западнорусскихъ, къ которымъ они принадлежатъ и по происхожденію своему, и по образованію, и по первоначальнымъ трудамъ своимъ. Ими, такъ сказать, заканчивался періодъ духовныхъ писателей того края съ польскимъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ въ языкѣ ихъ. Своими сочиненіями, воспитанными по правиламъ риторики, они только усилили въ великороссіи схоластическое образованіе, начатое впрочемъ еще до нихъ въ духовныхъ училищахъ. Вотъ немаловажное зло, которое они поддержали въ великороссіи наровнѣ съ силлабическимъ размѣромъ стихосложенія, перешедшимъ къ намъ съ запада?

Пребываніе ихъ въ великороссіи и обращеніе съ ея обитателями, относительно языка, дѣйствовало на нихъ также, какъ и на великоросса, Кн. Курбскаго, удаленіе его въ Польшу. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ намъ извѣстны только тѣ его сочиненія, которыя писаны имъ не въ отечествѣ его; но и въ нихъ большая разница въ языкѣ: Въ письмахъ его къ Іоанну Грозному, писанныхъ вскорѣ послѣ побѣга, языкъ его есть церковнословенское восточнорусское нарѣчіе безъ примѣси полонизмовъ, ко-

торые были бы непонятны для великороссіянина; въ другихъ же его письмахъ къ современнымъ лицамъ княжества литовскорусскаго встрѣчаются и довольно часто польскія слова и польскія формы словъ. И естественно этому быть! Въ Польшѣ онъ прожилъ около 20 лѣтъ (30), женился на Полькѣ, сдѣлался полнымъ гражданиномъ того края, и оттого въ родную его рѣчь, мало по малу, входили польскіе элементы и пестрили ее въ его сочиненіяхъ. Тамъ же онъ научился латинскому языку и изученіе латинскихъ писателей отчасти имѣло вліяніе на конструкцію его рѣчи. Все это онъ пріобрѣлъ въ Польшѣ и всего этого небыло въ современной ему великорусской письменности. И слѣдственно, естественно ли указывать на него и притомъ на одного его въ доказательство, что польскій языкъ имѣлъ вліяніе и на великорусскій?

Въ то время, когда югозападная Русь, подъ вліяніемъ польскаго правительства, подвергалась опасности утратить коренныя свои отличія и рѣчь ея обитателей, устная и письменная, болѣе и болѣе пестрилась полонизмами, сѣверовосточная Русь была совершенно въ другомъ положеніи сама по себѣ и въ отношеніи къ Польшѣ. Подъ прозорливымъ руководствомъ великихъ князей московскихъ, она дѣятельно заботилась сосредоточить разрозненныя свои силы и опредѣлить условія общественнаго быта постановленіями для благоденствія членовъ ея въ современныхъ нуждахъ. По сверженіи же ига монгольскаго, вскорѣ, она начала съ Польшею за западныя свои области продолжительную борьбу, ознаменованную кровавыми битвами, искусствомъ дипломатовъ и усилившую между ними взаимное нерасположеніе вопреки пле-

менному ихъ свойству. При неудачѣ въ военныхъ дѣйствіяхъ, они стремились къ миру и, большею частію, заключали перемиріе въ ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ возобновить свои покушенія. При такомъ самостоятельномъ и уклончивомъ отношеніи московскаго государства къ Польшѣ понятнымъ становится, какъ языкъ его въ письменности и въ устахъ народа не принялъ и не имѣлъ даже случая принять въ составъ свой полонизмовъ, а сохранился во всей чистотѣ, служа нуждамъ общественнымъ: на языкѣ церковнословенскомъ излагалось св. писаніе, книги богослужебныя, сочиненія повѣствовательныя, догматическія и полемическія; языкъ народный выражался въ *пѣсняхъ* и въ *сказаніяхъ*, въ *актахъ*, опредѣлявшихъ права и преимущества частныхъ людей или обществъ въ житейскомъ быту, въ *грамотахъ и договорахъ*, утверждавшихъ государственное отношеніе Московіи къ сосѣдямъ и установлявшихъ, въ важнѣйшихъ случаяхъ, порядокъ внутри государства. Въ этихъ памятникахъ гражданской письменности, въ большомъ числѣ дошедшихъ до насъ, языкъ значительно разнится отъ современнаго ему церковнословенскаго какъ по составу и формамъ словъ, такъ и въ складѣ рѣчи. Въ свою очередь языкъ пѣсенъ и сказаній народныхъ нѣсколько отличенъ отъ языка актовъ, грамотъ и договоровъ, можетъ быть, въ слѣдствіе того, что первый былъ ближе къ говору народному, а въ послѣднемъ люди дѣловые, болѣе грамотные, позволяли себѣ иногда особенный складъ рѣчи и выраженій. Какъ бы сліяніе церковнословенскаго и русскаго представляетъ языкъ лѣтописей: составители ихъ, люди духовные, по призванію сана своего изученіемъ усваивавшіе себѣ выраженія и

обороты книгъ церковнословенскихъ, не забывали и народнаго своего говора и писали языкомъ, непохожимъ строго ни на тотъ ни на другой изключительно, но на оба вмѣстѣ. Въ такомъ троиственномъ видѣ существовалъ языкъ въ великорусской письменности до изхода XVII столѣтія. Съ того времени лѣтопись замѣнилась рядомъ записокъ современниковъ съ преобладаніемъ въ нихъ народнаго языка того времени; церковнословенскій языкъ остался при своемъ священномъ назначеніи; языкъ же актовъ, грамотъ и договоровъ, съ примѣсью выраженій народной рѣчи и церковнословенскаго языка, сдѣлался книжнымъ гражданскимъ. Все это развилось и существовало безъ вліянія польскаго языка, слѣдовъ котораго не видно въ великорусской письменности, отличающейся своимъ особеннымъ характеромъ, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

1455—62 года: «И ноничя . . . . пожаловалъ, своему есми волостелю хрестьянъ ихъ въ тѣхъ ихъ селѣхъ и въ деревняхъ судити не велѣлъ, въ судѣ вѣдаетъ игуменъ своихъ людей самъ, по моимъ грамотамъ Великого князя по старымъ, или его приказщикъ. А волостелю моему даютъ, на годъ, два корма: на Рождество Христово съ дву плугъ полоть мяса, мѣхъ овса, возъ сѣна, десятеро хлѣбовъ, а то ему и съ тіуномъ; а не любъ полоть, ино два алтына, а нелюбъ мѣхъ овса, ино алтынъ, а нелюбъ возъ сѣна, ино алтынъ, а нелюбы хлѣбы, ино за коврigу по дензѣ. А на Петровъ день даютъ баранъ съ дву плугъ да десятеро хлѣбовъ; а нелюбъ баранъ, ино десять денегъ, а нелюбы хлѣбы, ино за коврigу по дензѣ (31).»

1503 года: «По великого князя слову Ивана Васильевича

евича всеа Русіи, сій судъ судилъ Семенъ Борисовичь. Тягался Александръ старецъ изъ Суздаля Еуѳимьева монастыря съ михалкомъ съ Жукомъ съ Насоновымъ сыномъ. Такъ рекъ Александръ старецъ: жалоба ми, господине, на того Михалка; тотъ, господине, Михалко жилъ у насъ въ монастырской деревнѣ въ Ильинской два году, да вышолъ вонъ. Оспожинѣ дни, а тому господине, годъ будетъ оспожинъ день, и язъ, господине, взялъ на немъ пожилого за дворъ полполтины денегъ, да и паренину есми, господине, его на монастырь рожью посѣялъ; и тотъ, господине, Михалко ріясь тому да ту деревню монастырскую сжогъ; и съ житомъ и съ животомъ, а всего сжогъ въ той деревнѣ на полдесята рубля (32).»

1598 года: «Государю царю и великому князю Борису Ѳедоровичу всеа русіи холопи твои Степанко Кузминъ, Ондрюшка Воейковъ, Петрушка Пивовъ, челомъ бьютъ. Прошлаго, Государь, сто шестаго году Августа въ двадесять третій день, посылалъ я холопъ твой Ондрюшка. . . . . провѣдывать про Кучума царя, живъ ли онъ или утопъ; и будетъ онъ Сеитъ Кучума сыщетъ, и я холопъ твой съ нимъ приказалъ, велѣлъ говорить Кучуму царю, что бы онъ къ тебѣ къ Государю ѣхалъ служити, а ты Государь его пожалуешъ своимъ царскимъ жалованьемъ (33).»

1643 года: «Слышалъ де онъ отъ Ивана Каторжнова и отъ его совѣтниковъ, что имъ на дону не житье, подождать де имъ съ моря донскихъ козаковъ, будетъ де только съ моря козаки придутъ всѣ здорово, и они де еще на дону поживутъ, а будетъ де съ моря придутъ не многіе люди и имъ де на дону нечего дожидаться,

перейтить де на иное мѣсто, на яикѣ де поставленъ городокъ, на устьѣ яицкомъ и они де тотъ городокъ срюютъ, и станутъ жить на яикѣ, и на море учнутъ ходить;—и онъ де Томило, памятуя наше крестное цѣлованье и слыша такую ихъ мысль, выѣхалъ съ тѣми вѣстми, съ Дону къ нашей государской милости; и морскихъ де козаковъ пришло въ войско, въ Роздорной городокъ, конныхъ человѣкъ съ сорокъ, да послѣ того пришло пѣшихъ, и рѣкою донцомъ, человѣкъ съ полтора ста, а достальные пошли врозь въ украинные городы (34).»

1689 года: «Въ томъ же году въ земскомъ приказѣ пытанъ Иванъ Петровъ сынъ Бунаковъ по челобитью боярина князя В. В. Голицына, для того, что онъ вымалъ у него князя Василія слѣдъ, съ пытки онъ рванъ и невинился, и сказалъ: а землю для того въ платокъ взялъ и завязалъ, что ухватилъ его утинъ, и прежде сего то бывало и гдѣ его ухватитъ, тутъ же землю онъ и беретъ (35).»

1698 года: «Въ прошломъ въ 204 году по нашему великого государя указу, отпущенъ въ Сибирь въ Нерчинскъ воеводою братъ твой Столникъ нашъ Самойло Николевъ, и будучи въ Нерчинску, намъ великому государю служилъ со всякою вѣрностію, и радѣтельною своею правою службою передъ прежними нерчинскими воеводами собралъ въ нашу Великого Государя казну многую прибыль, и тамошнихъ жителей и русскихъ и сибирскихъ городовъ различныхъ торговыхъ людей свидѣтельство своего христіанскаго благожитія учинилъ, и ни какой жалобы ни отъ кого на себя неоставилъ (36).»

1704 года: «Московскій гонецъ пріѣхалъ обнадеживая, что его царское величество, нетокмо деньгами хо-

*

четъ помогать королю, но и двадцать четыре тысящи чл҃къ нынѣ въ полше въ приходѣ есть, и изъ саѯоніи также ждутъ немалаго войска (37).»

1705 года: «Сего декабря мц҃а въ первыхъ числѣхъ, Его сіятельство кн҃зь губернаторъ и генералъ господинъ Меншиковъ, увѣдавъ что непріятельская шведская пѣхота въ четырехъ стахъ чл҃къ состоящая, въ плоцкомъ замкѣ обрѣтается, повелѣлъ господину генералу маеору Генскину подъ оною по возможности промыслъ чинить, тогда господинъ генералъ маеоръ Генскинъ послалъ къ тому замку полковника Штолца въ тысячѣ во стѣ чл҃къ драгунъ, и въ трехъ стахъ козаковъ. Которой пришедъ къ тому замку, на непріятеля жестоко напалъ, и онаго изъ замка выгналъ, отъ чего принужденъ непріятель въ бенедиктинскій кляшторъ бѣжать, и въ немъ засѣсть. тѣмъ временемъ и господинъ генералъ маеоръ Генскинъ въ трехъ стахъ человѣкъ конницы въ плоцкъ пришелъ, и согласясь съ своею партіею, и спѣша своихъ людей, помянутой кляшторъ сталъ штюрмовать, изъ котораго непріятель жестоко на нашихъ стрѣлялъ. но наши не имѣя болши способу, оной кляшторъ зажгли, въ которомъ всѣ вышепомянутые непріятели отъ нашихъ побиты и сожжены, кромѣ ниже писанныхъ (38).»

1310 года: «Ежели кто безъ вѣдома на берегъ соідетъ, чьей бы квартиры ни былъ, и прішѣдъ на корабль, когда уже протчія отъѣли, станетъ просіть есть и піть, и того да не имѣетъ. но сверхъ того принужденъ заплатить 20 копеекъ, половину на ніщіхъ, другую же профосу, или инымъ образомъ, какъ по разсмотрѣнію командующаго, наказанъ будетъ (39).»

1720 года: «Когда Его Царское Величество въ 1719

году увѣдомился, что королевское Величество Велікобрітанскои, оставя имѣющіе съ Его Царскімъ величествомъ союзные трактаты, не токмо партикулярнои съ Швеціею миръ заключілъ, но прітомъ обязался Швеціи, противъ Его царскаго величества вспоможеніе чініть; то повелѣлъ Его Царское величество резіденту своему, тогда въ Англіи обрѣтающемуся Ѳеодору Веселовскому подать Его королевскому Величеству Велікобританскому меморіалъ слѣдующей (40).»

Въ приведенныхъ примѣрахъ, безъ особеннаго выбора взятыхъ изъ многочисленныхъ памятниковъ гражданской великорусской письменности отъ XIV XVIII ст., рѣзко поражаютъ наблюдателя двѣ особенности: 1) въ языкѣ ея, время отъ времени, въ большемъ и большемъ числѣ, являлись выраженія и обороты народнаго говора великорусскаго; 2) отсутствіе полонизмовъ сравнительно съ югозападною письменностію тогоже времени. Выводы эти такъ естественны и поразительны по рѣзкости своей при чтеніи памятниковъ, что изслѣдователь остается внѣ сомнѣнія въ ихъ истинѣ, но мы подкрѣпимъ ихъ еще слѣдующими соображеніями:

1) *Полногласіе* словъ, подъ которымъ мы разумѣемъ существованіе гласныхъ звуковъ между коренными придыхательными, изкони составляло отличительное свойство рѣчи восточной отрасли словенскаго народа сравнительно съ западною. Эту особенность ея, едвали справедливо, приписываютъ вліянію на русскій языкъ финскаго (41), климату (42) и сѣверу (43). Не естественнѣе ли признавать это явленіе въ русской рѣчи природнымъ и самобытнымъ по тому, а) что оно принадлежитъ всѣмъ тремъ главнымъ отдѣламъ русскаго языка, изъ

коихъ два не могли и быть въ означенныхъ обстоятельствахъ по мѣстности народа, ими говорящаго,—б) что полногласныя формы словъ были господствовавшими въ старинныхъ нашихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ народныхъ, — в) что въ полногласныхъ формахъ встрѣчаются слова даже въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности духовной и особенно въ гражданской и составляютъ въ нихъ своеземныя начала, руссизмы. Для настоящаго случая эта особенность въ русской рѣчи заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что ея нѣтъ въ польскомъ языкѣ и что, слѣдственно, польская рѣчь, дѣйствуя на великороссійскую, сообщила бы ей противоположный характеръ, какъ это отчасти и было въ западнорусской письменности; въ великорусской же письменности не видно слѣдовъ сокращенности на польскій ладъ.

2) Кромѣ полногласія русской рѣчи, рѣзко отдѣляющей ее отъ большей части западныхъ словенскихъ нарѣчій, многія слова ея, произшедшія отъ общесловенскихъ корней, устраивались въ составѣ своемъ по законамъ (44) несвойственнымъ духу польскаго языка; а потому между ними вмѣшательство всего чуждаго было бы замѣтно.

3) Самыя частицы, какъ наиболѣе употребительныя слова языка, чаще всѣхъ носятъ на себѣ отпечатокъ иноязычнаго вліянія: такъ и было въ югозападной русской письменности. Но, въ сѣверовосточной гражданской, на этихъ служебныхъ частяхъ рѣчи не было и тѣни польскаго вліянія. Съ давнихъ временъ онѣ своеобразно устроились въ составѣ своемъ, отлично отъ церковнословенскихъ и польскихъ, и составляютъ собственность рѣчи восточной отрасли словенскаго племени

(45), существуя въ гражданской его письменности, какъ у себя дома.

4) Казалось бы твердою опорою мнѣнія о вліяніи польскаго языка на русскій вообще, не исключая и великорусскаго, должны служить словенскія граматики, составленныя въ западной Россіи и бывшія въ употребленіи въ великороссіи, какъ объ этомъ утвердительно и говорится (46); но, по тщательномъ осмотрѣ состава ихъ, оказывается, что онѣ не въ состояніи принять на себя такой невыполнимой для нихъ обязанности. Мы разумѣемъ здѣсь граматику Львовскихъ спудеевъ, Зизанія и Смотрицкаго. Что касается до первой, то самое заглавіе ея — *Ἀδελφότης. Грамматика доброглаголиваго Еллинословенскаго языка*—вразумительно говоритъ, что главное вниманіе ея составителей обращено на еллинскій языкъ, правила котораго тамъ написаны и въ ней же переложены на словенскій для легчайшей понятности русскому юношеству. Во всей своей полнотѣ она, между прочимъ, служитъ неотразимымъ доказательствомъ того, что и въ далекомъ отъ насъ западѣ Руси, близкомъ къ Полшѣ, научное образованіе православныхъ устраивалось тогда подъ руководствомъ грековъ, а не поляковъ. Въ трудѣ Зизанія (1596 г.) прямо бросается въ глаза усиліе автора уложить въ готовыя формы греческой граматики все разнообразіе звуковъ и словъ современнаго ему словенскаго языка. Слѣдственно, и тутъ усердное подражаніе грекамъ! Польскій же языкъ, съ своей стороны, только слегка изпестрилъ своими элементами его рѣчь въ изложеніи грамматики и съ большею щедростію въ *толкованіи молитвы господней* и въ *лексисѣ*. Несравненно важнѣе для нашей задачи

граматика М. Смотрицкаго по тому, что она была въ большомъ употребленіи и въ великороссіи, удостоилась и сдѣсь трехъ изданій, многихъ подражаній и около 200 лѣтъ повсюду пользовалось авторитетомъ. На нее скорѣе могло падать подозрѣніе, не заражена ли она полонизмами и не занесла ли она этой порчи въ великороссію, какъ учебная книга. Это обстоятельство побудило насъ пристальнѣе всмотрѣться въ составъ ея въ разныхъ изданіяхъ и внимательно прослѣдить въ ней слѣдующіе главные вопросы: а) какихъ языковъ граматики служили для нея образцемъ въ изложеніи предмета, б) на какомъ языкѣ сама она писана и в) какого языка составъ разобранъ въ ея содержаніи?

По тщательномъ изслѣдованіи оказалось по первому вопросу, что составитель ея, по примѣру Зизанія, руководствовался граматикою древнихъ классическихъ языковъ и преимущественно греческаго. Слѣды этой подражательности, нерѣдко доходившей до насилованія словенскаго языка, явственны не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ прямо говоритъ, что тотъ или иной оборотъ рѣчи *свойственъ* или неестественъ *грекомъ* или *аттикомъ*, *латиняномъ* и *словеномъ*, но и во многихъ другихъ вопросахъ, касающихся анализа языка, въ разрѣшеніи которыхъ онъ домогался найти въ словенскомъ языкѣ свойства и принадлежности такія, какія онъ замѣчалъ по грамматикѣ въ древнихъ классическихъ языкахъ: говоритъ ли онъ о гласныхъ буквахъ, на основаніи *прискренности* между греческими и словенскими письменами дѣлитъ ихъ «на трое, на долгая, краткая и двоевременная» по *количеству*, которому однакожъ совершенно нѣтъ мѣста въ словенскомъ языкѣ. Потомъ

изчисляетъ ударенія, придыханія и другіе надстрочные знаки, въ мелочныхъ подробностяхъ введенные грамматиками въ греческій языкъ для отличія дѣйствительно долгихъ или краткихъ его слоговъ, но не имѣвшія никакого примѣненія къ словенскому языку, который не знаетъ у себя ни долгихъ ни краткихъ слоговъ, а различаетъ ихъ разнообразнымъ волненіемъ голоса въ выговорѣ, пониженіемъ и повышеніемъ тона. Прилагательныя бываютъ, между прочимъ, будто бы трехъ окончаній и одного; временъ и наклоненій въ глаголахъ насчитываетъ столько и въ такомъ порядкѣ, какъ въ греческомъ языкѣ, и многое другое внесено въ словенскую грамматику съ большимъ насилованіемъ языка въ угоду образцамъ своимъ. Что, впрочемъ, уже давно было и замѣчено. Такъ, ученый Сербъ, пробывшій болѣе 20 лѣтъ въ Россіи и составившій критическую грамматику для нѣкоторыхъ словенскихъ нарѣчій въ 1665 году, писалъ въ предисловіи къ своему труду (47): «Мелетиѣ Смотритскиѣ, дльа-ради своjего трудольубjа и дльа печалности, коjу jест посил про общену ползу, пищущ граматику, достоjен jест памети и вногиjе хвали; и бил би доспил вещи народу пособниjе, даби се не бил соблазнил по обзору на Гречскиjе преводи, и даби не билъ захотилъ нашего jезика на Гречскиjе и на Латинскиjе узори претварjат.»

Что же касается втораго вопроса, отвѣтъ на него, безъ особенныхъ соображеній, составляется при чтеніи грамматики: «Причастодѣтіе гл҃ъ причастный нарицается ноужду дѣйствія знаменующій. Многажды и прилагательныхъ именъ силоу притяжущій, естественнѣ же въ средня рода именительномъ усѣченномъ, на о кончащемся

употребляемый. напр. творительно.» «Есть Аттикωмъ свойство, возносительному со предъидущимъ въ томъжде падежѣ сочинятися, на послѣдующій глаголъ, имъ же правиму быти ему достояше, ни единъ взглядъ имущему. Первое оубо слово сотворихъ ω всѣхъ, ω Θеофіле, о нихъ же начать Іисусъ творити же и учити.» «Есть и другое Аттикωмъ свойство, славянωмъ приискрьное, возносительномоу свое предъидущее предваряти; егда оуслыша Іисусъ, якω болитъ Лазарь, пребысть на немъже бѣ мѣстѣ два дни.» «Причастодѣтія, Грекωмъ нарѣчія положительная на *εον*, латинскимъ герундіа на dum, овогда самостоятельнѣ полагаются, якω творительно, гл̃ательно, носительно. Любителенъ ми есть сынъ мой.» Слѣдственно, собственно грамматика написана на языкѣ церковнословенскомъ, вычурномъ правда, вытянутомъ по волѣ автора, но въ границахъ современнаго автору языка, безъ польскаго вліянія. Въ ней только увѣщаніе учителямъ, предпосланное грамматикѣ съ небольшимъ на 3-хъ страничкахъ (1 изд.) въ 8-ю, немного испещрено полонизмами.

Несовсѣмъ счастливъ былъ авторъ въ выборѣ состава языка для своей филологической работы. Вмѣсто того, чтобы обратиться къ древнѣйшимъ памятникамъ церковнословенскаго нарѣчія и оттуда извлечь первобытныя письменныя формы словъ, онъ разобралъ языкъ современный ему, обезображенный писцами и испорченный вліяніемъ на него особенностей говора тѣхъ словенскихъ народовъ, которые употребляли его какъ письменный. Потому-то въ его грамматикѣ выставлены формы словъ безъ разбора относительно *времени* и *мѣстности*. Между прочимъ, въ спряженіи у него выставлены нѣкото-

рыя формы глаголовъ изъ польскаго языка, именно въ сослагательномъ и подчинительномъ его наклоненіяхъ. Но и тамъ польскія формы помѣщены не въ самомъ спряженіи по всѣмъ измѣненіямъ глагола, а только въ заглавіи каждаго времени *надписаны* собственно для объясненія смысла церковнословенскихъ, которыя вслѣдъ затѣмъ спрягались и могли, вѣроятно, показаться невразумительными для православныхъ обитателей того края Руси. На примѣръ:

наклоненія *подчинительнаго*, вида *совершеннаго*

настоящее время:

«Да: абымъ читалъ.

Един. да чту, чтеши, чтетъ и т. д.»

Время *преходящее*:

«Да быхъ: абымъ былъ читалъ.

Един. да быхъ челъ, чла, чло, былъ еси, ла, ло, бяше и т. д.»

Вида *учащательнаго* время *настоящее*:

«Да: абымъ часто чи́товалъ.

Един. да читаю, читаеши, читаетъ и т. д.

— — — *мимошедшее*:

«Да быхъ: абыхъ бымъ часто читовалъ.

Един. да быхъ читаалъ, ала, ало, былъ еси, ла, ло: бяше и т. д.»

Такое странное смѣшеніе формъ языка дѣйствительно буквально было перепечатано въ первомъ московскомъ изданіи (1648 года) той грамматики, безъ всякой перемѣны; между тѣмъ какъ нѣкоторыя формы въ склоненіи существительныхъ, и не польскія, а истыя церковнословенскія, тамъ же замѣнены восточнорусскими, на примѣръ:

Падежи:	1619 года:	1648 года:
Ед. имен.	самаряныни	самаряныня стр. 103.
род.	— ня	— ни
дат.	— ни	— нѣ
Множ. имен.	— ня	— ни.
Един. род.	піяница	піяници стр. 100.
дат.	— ци	— цѣ
сказ.	— ци	— цѣ
Множ. им.	— ця	— ци
Един. дател. и сказ.	сносѣ	снохѣ 97 на оборотѣ стр.
Множ имен. и зват.	мрежя	мрежи
винит.	мрежя	мрежы 98 стр. и мног. др.
Един. им.	ладія	лодія стр. 102.
род.	— я	— и
Множ. им. и зват.	ладія	— и
род	ладій	лодей и лодій.

Впрочемъ тѣ глагольныя польскія формы для великороссовъ были чужды и ни у одного изъ нихъ въ сочиненіяхъ на церковнословенскомъ же нарѣчіи нигдѣ не встрѣчаются. И въ самой грамматикѣ недолго подержались. Во второмъ московскомъ изданіи (1721 года) той же грамматики Поликарповъ еще не рѣшился, правда, выбросить ихъ: онѣ, попрежнему, остались на своихъ мѣстахъ, но уже признаны были *необыкновенными* и, для объясненія ихъ значенія, вслѣдъ за ними помѣщены восточнорусскія гражданскія формы, какъ употребительныя въ то время въ великорусской даже церковнословенской письменности, вотъ въ какомъ видѣ:

Наклоненія *сослагательнаго* вида *совершеннаго*

время *настоящее*:

»Аще бы: Гды бымъ читалъ.

«*или обыкновенные нынѣ сице*: Ежели бы я читалъ.»

преходящее:

«Аще быхъ. Гды бымъ былъ читалъ.

Ежели бы я когда читалъ.»

Вида *учащательнаго*

время *настоящее*:

«Аще бы: Гды бымъ читовалъ.

Ежели бы я читывалъ.»

прешедшее:

«Аще быхъ: Гды бымъ былъ читовалъ.

Ежели бы я прочитывалъ.»

мимошедшее:

Аще быхъ: Гды бымъ былъ часто читовалъ.

Ежели бы я давно прочитывалъ.»

будущее:

«Аще быхъ: Гды былъ прочиталъ напотомъ.

Ежели я прочту.» и пр.

Неестественность полонизмовъ въ церковнословенорусской грамматикѣ была въ то время для великоросса очевидна. Да и сама грамматика, по странному составу своему, не могла удовлетворить сознаваемымъ тогда потребностямъ языкоученія. Мудрецъ Петровыхъ временъ, въ простотѣ сердца, справедливо оцѣнилъ ее, говоря: «нынѣ напечатано въ Москвѣ тысячь пять — шесть грамматикъ, да Богъ вѣсть какія (48)!» Потому-то, по порученію высшаго начальства сокращая грамматику Смотрицкаго, Ѳ. Максимовъ не только избавилъ трудъ свой отъ незваныхъ полонизмовъ, но и предпо-

лагалъ, повидимому, приспособить его къ восточнорусскому языку, когда въ предисловіи на 3 страницѣ (1723 года) сказалъ: «Наста нужда собрати отъ различныхъ въ кратцѣ сію грамматіку, съ приложеніемъ *простыхъ* реченій, понеже въ ней (Милетіевой) обдержатся славенская реченія россійски в малѣ разумѣваема.» Но его попытка ограничилась введеніемъ въ грамматику немногихъ словъ и формъ гражданскаго великорусскаго языка (49) и, къ удивленію, онъ не сохранилъ въ своемъ трудѣ тѣхъ, весьма немногихъ, руссизмовъ, которые встрѣчаются въ первомъ московскомъ изданіи грамматики Смотрицкаго (50), и даже не возпользовался онъ тѣми перемѣнами въ азбукѣ (51), какія передъ тѣмъ временемъ сдѣланы были.

Всѣ означенныя грамматики, со включеніемъ пресловутаго увѣщанія подъ *взметомъ* писать слова или непокрыто (52), занимались суетнымъ истолкованіемъ мертвой буквы языка обезображеннаго, а не коснулись языка живаго, имѣвшаго за собою многолѣтнюю письменность и въ органическомъ составѣ своемъ избытокъ силъ, нужныхъ для самобытнаго развитія и стремленія къ совершенству. Только зиждительный умъ царя Петра I оцѣнилъ важность этого языка для государства и даровалъ ему полное право гражданства въ письменности, независимо отъ языка церковнословенскаго, передѣлавъ для него Кирилловскую азбуку отмѣною иныхъ буквъ и измѣненіемъ начертанія почти всѣхъ. Съ того времени церковнословенскій языкъ остался величественнымъ глаголомъ Церкви, а для великорусскаго, гражданскаго, открылось поприще болѣе обширное въ народѣ, знакомившемся съ многостороннею образованностію просвѣщен-

ныхъ государствъ. Въ тоже время и филологи наши стали замѣчать существованіе двухъ родовъ письма, *старинnаго* (церковнословенскаго) и *новаго* (общеупотребительнаго гражданскаго), и въ доказательство ихъ разности приводили формы того и другаго (53), но о вліяніи польскаго языка на русскую рѣчь у нихъ ни слова. Напротивъ того, они иногда вопіяли противъ введенія въ языкъ письменный гражданскій словъ, выраженій и окончаній изъ говора простаго народа (54).

Въ заключеніи историческаго обзора состоянія языка въ русской письменности припомнимъ главныя положенія, на коихъ сосредоточивается особенное вниманіе наблюдателя: 1) Церковнословенское нарѣчіе древнѣйшихъ памятниковъ сильно измѣнилось у насъ въ послѣдующія времена, на западѣ, между прочимъ, отъ введенія въ составъ его полонизмовъ, а въ великороссіи отъ особенностей ея рѣчи народной; 2) Русскій языкъ въ письменности должно разсматривать великорусскій отдѣльно отъ югозападнаго по крайней мѣрѣ съ XIV столѣтія; 3) Рѣчь сѣверовостока, которой одной прилично названіе *русская* въ томъ преимущественно отношеніи, что она сдѣлалась господствующею въ россійской имперіи, во всѣхъ ея отрасляхъ (55) не была подъ вліяніемъ польскаго языка: иначе въ письменности ея остались бы слѣды полонизмовъ, которыми изпещрена письменность югозападнаго края Руси.

Обратимся теперь къ другой половинѣ главной нашей задачи, къ *вліянію Польши на устройство училищъ въ Россіи*, и, для непогрѣшительнаго уразумѣнія дѣла, прослѣдимъ этотъ вопросъ съ отдаленныхъ временъ.

Лѣтописи нашего отечества, скупыя на замѣчанія объ

устройствѣ внутренняго порядка въ быту народа, доставляютъ намъ мало извѣстій объ образованіи нашихъ предковъ и еще менѣе прямыхъ свѣденій о средствахъ, коими просвѣщеніе вводилось въ жизнь народа. Составители ихъ, вѣроятно, и не предполагали въ потомствѣ такого любопытства, съ какимъ оно, особенно въ послѣднее время, устремилось слѣдить каждую нить жизни человѣчества по всѣмъ вѣкамъ и народамъ и допрашивать безъискуственныя ихъ сказанія по вопросамъ пытливаго ума. Изъ немногаго, дошедшаго до насъ отъ сѣдой старины, знаемъ по достовѣрнымъ источникамъ, что первые благовѣствователи христіанскихъ истинъ нашимъ предкамъ, греки и болгаре, на первыхъ шагахъ священнаго своего поприща, позаботились глубже насадить сѣмена новаго ученія въ сердцахъ новообращенныхъ путемъ обученія юношества въ училищахъ: Равноапостольный Владиміръ (56) «нача поимати у нарочитое чади дѣти и даяти на ученіе книжное.» Первый Новгородскій Епископъ Іоакимъ Корсунянинъ (съ 992—1030 г.) для своей паствы заводитъ училище, изъ учителей котораго Ефрема, ученика Іоакимова, составитель новгородской лѣтописи называетъ своимъ наставникомъ (57). Если на слово вѣрить Татищеву, въ исходѣ XI в. у насъ были училища на волыни, гдѣ случилось быть (58) въ 1097 году нѣкоему Василію, иноку или священнику, «смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей (59).» Во второй половинѣ XII в. (60), Романъ Мстиславичь въ Смоленскѣ завелъ духовныя школы, въ коихъ учили не только греческому языку, но и латинскому. До насъ не дошли обстоятельныя извѣстія объ устройствѣ тѣхъ училищъ, съ достовѣрностію однакожъ полагать можемъ,

что въ нихъ водворенъ былъ порядокъ школъ греческихъ, въ которыхъ получали образованіе пріѣзжавшіе къ намъ изъ Греціи первые наши Архипастыри, и что греческій языкъ игралъ въ нихъ важную роль, какъ и многое греческое въ устройствѣ быта нашихъ предковъ съ древнихъ временъ (61). Слѣдственно, первымъ школьнымъ образованіемъ наше отечество одолжено было Греціи, родственной намъ по религіи.

Сообщенное греками научное просвѣщеніе, кажется, разстроилось въ нашихъ училищахъ во время владычества монголовъ и только въ монастыряхъ скудно поддерживалось между иноками, преимущественно же въ Кіево-печерской Лаврѣ, какъ митрополіи монастырей и разсадникѣ Іерарховъ. Въ концѣ XVI в. въ югозападной Руси вновь учреждаются училища, но уже не какъ средства разпространить христіанскія понятія вмѣсто языческихъ въ народѣ, а какъ орудіе православнаго христіанскаго ученія противъ ухищреній латинскаго духовенства. Польскіе магнаты, встревоженные неоднократною попыткою чиновъ литовскорусскаго княжества разторгнуть союзъ съ ними и не встрѣтивъ въ нихъ сердечнаго къ себѣ разположенія, рѣшились посвоему преобразовать въ нихъ то, что такъ сильно отталкивало ихъ и чѣмъ такъ рѣзко они отличались въ кругу ихъ—вѣру, языкъ и вообще народность. Ученое духовенство латинской церкви явилось тогда ревностнымъ исполнителемъ видовъ политики духовной и государственной. Оно заводило свои училища въ областяхъ русскихъ, на Волыни, въ Кіевѣ, въ Вильнѣ, въ Полоцкѣ, даже въ Смоленскѣ (62), и охотно принимало туда для образованія православныхъ юношей, жаждавшихъ просвѣщенія. Тамъ,

внушая юнымъ неопытнымъ душамъ ихъ хитросплетенныя неправыя ученія, непримѣтно склоняло ихъ въ Унію, которая служила *переходнымъ мостомъ* къ католицизму (63). Тогда-то встрепенулись ревнители православія и поборники народности и быстро одно за другимъ учредили православныя училища, на противодѣйствіе латинскимъ, въ Острогѣ 1580 года, во Львовѣ 1586 года, въ Вильнѣ 1588 года, въ Кіевѣ 1589, Стрятинское 1596 года и позднѣе другія. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ извѣстны только отрывочныя свѣденія о внѣшней, такъ сказать, сторонѣ ихъ учрежденія и первоначальнаго существованія. Но и изъ немногаго мы узнаемъ, что Греки, попрежнему, первые занимались ихъ устройствомъ: такъ въ Острожскомъ училищѣ первымъ ректоромъ и учителемъ греческаго языка былъ Кириллъ Лукарь, занимавшій впослѣдствіи каѳедру константинопольскаго Патріарха (64). Объ основаніи Львовскаго училища въ извѣщеніи (предисловіи) Еллинословенской грамматики, изданной въ 1591 г. во Львовѣ же, обстоятельно говорится, что, «изволеніемъ Божія человѣколюбія, пріиде святѣйшій патріархъ великія Антіохія. . . . . Киръ Іоакимъ, во богохранимый градъ Львовъ року 1586, мѣсяца Генуарія: увидѣ же нерадѣніе о исправленіи въ росскомъ родѣ, совѣтова сія изряднѣ полезнѣйша быти, братство, школа и друкарня; и ко вселенскому патріарху о сихъ возвѣсти. Въ тоже лѣто, мѣсяца Іюнія, отъ вселенскаго патріарха, ексаршески пріиде митрополитъ Димонитскій и Еласонскій, киръ Арсеніе, иже школное ученіе наченше, пребысть здѣ, во градѣ Львовѣ, уча двѣ лѣтѣ.» Слѣдственно, и это православное училище учрежденіемъ своимъ обязано Грекамъ, которые, должно полагать, не

имѣли нужды предварительно изучать устройство латинскихъ школъ въ Польшѣ для заведенія православныхъ въ русскихъ областяхъ, а прямо изъ своего отечества и съ своими понятіями объ образованіи юношества приходили къ намъ, съ какими ихъ же соотечественники занимались преподаваніемъ наукъ въ югозападной Европѣ, откуда и Польша переняла свое школьное ученіе. Въ заведенныхъ ими училищахъ православныхъ, обучали, на первый разъ, конечно, только первоначальнымъ наукамъ и постепенно возвышали курсъ ихъ до полнаго объема, такъ называемыхъ, *семи свободныхъ искусствъ* (*παιδέια ἐλευθέρα*, artes liberales) (65). Греческій же языкъ, какъ основаніе православію, естественно, долженъ былъ сдѣлаться въ нашихъ училищахъ главнымъ. Его основательно могли изучать воспитанники отъ своихъ наставниковъ грековъ, коихъ и руководства служили для нихъ образцами въ собственныхъ ихъ трудахъ.

Такимъ образомъ, эти первоначальные разсадники православнаго образованія въ югозападной Руси усилили давнишнее сближеніе наше съ греками, подкрѣпили его путемъ науки и служили оплотомъ православію въ томъ краѣ во время самаго сильнаго стремленія езуитовъ поколебать его. Въ такую грозную эпоху, ихъ воспитанники, на разныхъ степеняхъ духовной іерархіи, словомъ и дѣломъ ревностно поддерживали своихъ единовѣрцевъ въ вѣрѣ отцевъ ихъ. Между прочимъ, иные изъ нихъ были наставниками, начальниками и, быть можетъ, основателями другихъ православныхъ училищъ, позже возникшихъ въ томъ краѣ. По свидѣтельству современника Сильвестра Коссова, Мелетій Смотрицкій, получивъ образованіе въ православномъ училищѣ, былъ учителемъ и

ректоромъ въ кіевскихъ богоявленскихъ школахъ ранѣе 1615 года, гдѣ, вѣроятно, преподавалъ свою грамматику. Въ тоже время (ранѣе 1616 года) и тамъ же занимался преподаваніемъ воспитанникъ Острожскаго православнаго училища Іоаннъ Борецкій въ бытность свою священникомъ Воскресенской Кіевской Церкви: «греческій и латинскій языкъ добрѣ умѣвый, и тѣхъ языковъ иныя въ школахъ учивый,» говорилъ объ немъ св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій (66). Исаія Копинскій, образовавшійся въ волынскихъ училищахъ, будучи старшимъ Богоявленскаго братскаго монастыря, былъ начальникомъ и учителемъ тамошняго училища (67). Сколько же ихъ сотрудниковъ незамѣчено лѣтописью! И выходитъ, что въ кіевскихъ Богоявленскихъ братскихъ школахъ, изъ коихъ мало по-малу образовалась нынѣшняя мѣстная Духовная Академія, начальниками и наставниками были воспитанники первыхъ православныхъ училищъ, устроенныхъ греками. Имъ естественно было и заниматься своимъ дѣломъ такъ, какъ они научились у своихъ наставниковъ грековъ; подъ ихъ руководствомъ греческое образованіе было основнымъ въ кіевскихъ богоявленскихъ школахъ, а латинское привилось тамъ позже и едвали при участіи Польши? Одна воля Петра Могилы, иностранца по происхожденію, получившаго образованіе въ парижскомъ и въ другихъ высшихъ иноземныхъ училищахъ, дала ему тамъ высокое значеніе, вотъ по какому случаю: Въ санѣ архимандрита Кіевопечерской лавры онъ избралъ, съ согласія всего кіевскаго духовенства, нѣсколько даровитыхъ монаховъ и бѣльцовъ и на своемъ иждивеніи отправилъ ихъ въ львовскую, римскую и въ другія академіи для изученія словесныхъ

высшихъ наукъ. Когда же молодые ученые, чрезъ 4 года, возвратились въ отечество съ запасомъ свѣденій, онъ открылъ для нихъ при Лаврскомъ больничномъ Троицкомъ монастырѣ школы и нѣкоторымъ изъ нихъ (1631 года) поручилъ обучать тамъ дѣтей на латинскомъ и польскомъ языкахъ. На это возникавшее новое училище, богатое духовными и матеріяльными средствами къ существованію, не безъ прискорбія смотрѣли тогда въ Кіевѣ и особенно видѣли въ немъ опаснаго соперника для богоявленскихъ школъ. Поэтому митрополитъ кіевскій, всѣ епископы кіевской митрополіи, кіевское шляхество, гетманъ малороссійскихъ козаковъ и козацкіе старшины, убѣдительными просьбами склонили Петра Могилу присоединить новую школу къ богоявленскимъ. Съ той поры соединенныя тѣ школы, подъ руководствомъ просвѣщеннаго своего покровителя, въ непродолжительное время достигли той полноты развитія, что въ нихъ преподавались и высшія науки; съ того-же времени сталъ усиливаться въ нихъ и латинскій языкъ, какъ общеупотребительный въ изложеніи наукъ между западноевропейскими учеными, у которыхъ многіе тогдашніе наставники кіевской коллегіи окончательно готовились къ своему назначенію и, можетъ быть, по ихъ же руководствамъ, въ духѣ православія, преподавали высшія науки на латинскомъ же языкѣ.

Такое нововведеніе однакожъ, на первый разъ, едва не повредило кіевской коллегіи въ глазахъ православныхъ обитателей малороссіи: покровители и наставники езуитской коллегіи, существовавшей тогда на Подолѣ, постарались убѣдить кіевскую чернь, недальновидныхъ козаковъ и даже нѣкоторыхъ духовныхъ, что въ право-

славной коллегіи всѣ наставники, получивъ окончательное образованіе въ иностранныхъ академіяхъ, заражены или аріанствомъ, или калвинизмомъ, или лютеранизмомъ, и потому-то православнымъ юношамъ преподаютъ науки не на греческомъ языкѣ, какъ бы слѣдовало православнымъ наставникамъ, а на латинскомъ. Народъ взволновался и грозилъ съ огнемъ и мечемъ вторгнуться во святилище наукъ, давшее у себя первенство латинскому языку предъ греческимъ, православнымъ. Только твердость истинныхъ ревнителей просвѣщенія успокоила волненіе. При такомъ шаткомъ состояніи умовъ православныхъ въ западной Россіи и отъ коварной политики езуитовъ, всегда находившихъ одобреніе и подкрѣпленіе въ большинствѣ правительства, перевѣсъ въ борьбѣ образованія греческаго съ латинскимъ естественно могъ остаться на сторонѣ послѣдняго: православныя училища мало по малу ослабѣвали и уничтожались отчасти и по недостатку въ средствахъ къ существованію. Одной только кіевской коллегіи досталась на долю завидная участь сосредоточить въ себѣ православное духовное образованіе на противодѣйствіе западному и уцѣлѣть среди разрушительныхъ военныхъ дѣйствій сыновъ малороссіи съ поляками, неоднократно подрывавшихъ ея благосостояніе. Явныя и тайныя нападенія езуитовъ много вредили ей, но не погубили въ такое время, когда вокругъ нея число православныхъ видимо умалялось: православныя семейства принимали унію и католицизмъ. Но коснулось ли ихъ вліяніе восточной Россіи?

Съ давняго времени латинское духовенство обнаруживало стремленіе подчинить пастырской власти верховнаго своего владыки и наше отечество. Припомнимъ

буллу Григорія VII къ Изяславу Ярославичу (1076 г.), посольство (1204 г.) Иннокентія III къ Роману Мстиславичу, князю Галицкому, сношенія Иннокентія IV (съ 1247 г.) съ Даніиломъ Романовичемъ и Александромъ Невскимъ (68), флорентійское соединеніе и унію 1596 года, заранѣе подготовленную происками папъ и особенно стараніемъ хитраго езуита Антонія Поссевина. Съ береговъ Шелони онъ писалъ въ 1581 году папѣ Григорію XIII: «поелику вѣра московскаго государства прежде сего зависѣла нѣсколько отъ той части Россіи, которая нынѣ подъ державою польскаго короля, то много бы содѣйствовало къ обращенію московскаго народа, еслибы епископы королевской оной Россіи присоединились къ католической церкви.» А для этого онъ совѣтовалъ послать туда и даже въ Москву надежныхъ людей и самъ обѣщался для той же цѣли въ Вильнѣ издавать на русскомъ языкѣ *благочестивыя* книги; наконецъ предлагалъ папѣ завести училища россійскаго языка въ самомъ Римѣ или въ Вильнѣ, гдѣ, по его словамъ, не малое число бѣдныхъ русскихъ уже обучалось въ университетѣ, учрежденномъ отъ езуитскаго ордена (69). Въ слѣдствіе этого убѣжденія, въ 1582 году папа предлагалъ Іоанну Грозному прислать въ Римъ молодыхъ людей учиться, но получилъ уклончивый отвѣтъ (70). Это не охладило однакожъ рвенія притязательнаго запада посвоему просвѣтить Россію. Сигизмундъ III, польскій король, усердно преданный езуитамъ, чрезъ посла своего Льва Сапѣгу, просилъ царя Бориса позволить ему завести въ большихъ городахъ Россіи, въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и въ Смоленскѣ, для поляковъ косцёлы, а при нихъ училища и для русскихъ, ко-

торымъ сверхъ того позволялъ обучаться въ училищахъ литовскорусскаго княжества (71). Но и то не помогло!

Отклоняя предлагаемыя католическимъ западомъ услуги въ образованіи православнаго юношества, Русь сѣверовосточная, между тѣмъ, сама по себѣ давнымъ давно сознавала потребность въ училищахъ. Съ самаго начала XVI ст. великорусскіе архипастыри жалуются на недостатокъ въ училищахъ (72) для образованія даже членовъ духовнаго вѣдомства. Внимая справедливымъ представленіямъ любителей просвѣщенія, Іоаннъ Грозный рѣшительнѣе принялся за это дѣло: духовенство убѣждалъ онъ заводить училища для своего вѣдомства и въ тоже время послалъ Саксонца Шлита въ Германію пригласить въ Россію, между прочими полезными въ дѣлѣ ея образованія иноземцами, людей искусныхъ въ *языкахъ* и *наукахъ* (73). Борисъ Годуновъ, предполагая учредить школы и университетъ, такъ же приглашалъ къ себѣ на службу ученыхъ нѣмцевъ (74). Но смутныя обстоятельства не благопріятствовали благому намѣренію!

Въ XVII вѣкѣ, по изгнаніи изъ среды Россіи насильниковъ, мысль объ училищахъ начинаетъ осуществляться. Въ Москвѣ, какъ средоточіи силъ государства, возникаютъ училища для великороссіи. Высшіе сановники духовной іерархіи нашей, попрежнему, принимаютъ въ этомъ движеніи самое дѣятельное участіе словомъ и дѣломъ; лично пекутся объ учрежденіи ихъ и благосостояніи, стараются умножить число ихъ безъ отягощенія царской казны. Главное же, въ союзѣ со вселенскими патріархами, заботливо хранятъ въ нихъ чистоту православнаго образованія юношества предусмотрительнымъ выборомъ наставниковъ, неукоризненныхъ въ дѣ-

лахъ вѣры, и отклоняютъ отъ всякаго участія въ этомъ святомъ дѣлѣ каждаго, подозрѣваемаго въ латинствѣ.

Къ крайнему сожалѣнію, объ учрежденіи первыхъ училищъ въ Москвѣ дошли до насъ свѣденія только косвеннымъ путемъ и самыя скудныя; изъ нихъ однакожъ можно видѣть духъ и направленіе каждаго. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича существовало въ Москвѣ училище (75) подъ главнымъ надзоромъ грека Арсенія. Обучали тамъ, между прочимъ, греческому и латинскому языкамъ. Съ удаленіемъ Арсенія въ Соловецкій монастырь (1649 г.) возникавшее научное просвѣщеніе нашло себѣ покровителя въ молодомъ любимцѣ царя, Ѳ. М. Ртищевѣ (76). Устроивъ на берегу Москвы, близъ воробьевыхъ горъ, при церкви св великомученика Андрея Стратилата, монастырь, онъ пригласилъ туда изъ Кіевской лавры и другихъ монастырей нѣсколько ученыхъ иноковъ «ради въ ономъ монастырѣ россійскаго рода во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія (77).» Въ числѣ прибывшихъ (1649 г.) по приглашенію Ртищева и по вызову царя (78) первое мѣсто занимаетъ Епифаній Славинецкій (79), котораго въ скоромъ времени патріархъ Никонъ сдѣлалъ наставникомъ въ особомъ училищѣ въ Чудовѣ монастырѣ, патріаршемъ, и главнымъ справщикомъ типографіи. Подъ покровительствомъ Никона дѣятельность ученыхъ усилилась; но неблагопріятныя обстоятельства на нѣсколько времени пріостановили развитіе благаго начинанія Патріархъ удалился изъ Москвы (1658 г.) и тогда-то справщики церковныхъ книгъ временъ патріарха Іосифа, по выраженію Арсенія глухаго, «не знающіе ни православія, ни кривославія и божественная писанія точію по чернилу проходящіе (80),»

строго наказанные Никономъ, ободрились и оподозрили въ православіи его сотрудниковъ въ новомъ изправленіи книгъ церковныхъ и самые труды ихъ. Явились разколоучители, возникли безпорядки, при которыхъ существовавшія училища, патріаршее и Андреевское, по неразположенію къ нимъ многихъ (81), упали и скоро, нужно полагать, совсѣмъ закрылись въ такое время, когда настояла въ нихъ крайняя нужда для распространенія просвѣщенія въ народѣ на изкорененіе предразсудковъ и суевѣрія.

Въ югозападной Руси борьба послѣдователей православія съ учителями римской церкви и уніею усилила ревность къ учрежденію православныхъ училищъ. «Если бы нѣкоторыхъ изъ духовенства нашего отступленіе отъ законнаго своего въ вѣрѣ пастыря не послѣдовало, если бы отъ насъ изшедшіе на насъ не возстали, то таковыя науки, таковыя училища, толико достойные и ученые люди въ народѣ россійскомъ ни когда бы не открылись (82).» Въ сѣверовосточной Россіи домашнія неустройства и смятенія, происходившія отъ невѣжества и дерзости разколоучителей, вразумляли правительство о необходимости оружіемъ свѣта дѣйствовать противъ заблужденій тьмы. Ученые греки спѣшили представить это дѣло царю и духовенству въ поразительныхъ картинахъ (83). Вселенскіе патріархи, Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій, бывшіе въ Москвѣ по дѣламъ Никона въ 1666 году, и всероссійскій Іоасафъ II, кромѣ убѣжденій въ поученіяхъ своихъ къ народу, особенными грамотами давали свое архипастырское благословеніе на *созиданіе* училищъ и на *устроеніе* въ нихъ ученія по закону православно-каѳолической церкви (84). Вѣроятно, въ слѣд-

ствіе ихъ убѣдительныхъ воззваній предположено было учредить училище въ Москвѣ при церкви св. Іоанна Богослова (85); но судьба его не извѣстна. Между тѣмъ въ непродолжительномъ времени послѣдовало основаніе того училища въ Москвѣ, которому суждено было послужить началомъ нынѣшней московской духовной академіи (86).

Іеромонахъ Тимоѳей, «русскія природы, нѣколико лѣтъ обходящь святая мѣста въ палестинѣ и въ святогорскихъ монастырѣхъ, навыче греческаго языка,» прибылъ въ Москву въ 1679 году. Разсказами своими о притесненіи на востокѣ православныхъ поклонниками магомета и не менѣе латинствующими онъ успѣлъ до того тронуть благочестивую душу юнаго царя и патріарха, что они рѣшились немедленно учредить въ Москвѣ *греческую* школу (87). На первый разъ для принятыхъ «отъ всякаго чина малыхъ дѣтей числомъ яко 30» учителемъ греческаго чтенія, письма и языка назначенъ былъ свѣтскій грекъ Мануилъ, «искусный въ свободныхъ наукахъ,» а послѣ него грекъ же Іеромонахъ Іоакимъ. Ректоромъ же училища сдѣланъ былъ самъ Тимоѳей, наименованный сверхъ того крестовымъ священникомъ въ домовомъ клирѣ патріарха. «И невозможно изобразить, какъ заботились объ ней самъ благочестивѣйшій государь и святѣйшій патріархъ. Едва не каждую недѣлю приходили они въ типографію (верхнюю, въ трехъ палатахъ которой она помѣщалась), и порознь и вмѣстѣ, и явно и тайно, чтобы утѣшаться новымъ и неслыханнымъ дѣломъ; надѣляли учащихся и одеждою и червонцами.» Патріархи восточные спѣшили грамотами изъявить свою радость объ обновленіи въ Россіи греческаго языка,

введеннаго Владиміромъ I и оскудѣвшаго впослѣдствіи «за нѣкыя случаи (88).» При такомъ живомъ сочувствіи царя къ просвѣщенію, естественно было родиться въ немъ желанію размножить *новонасажденный имъ садъ* учредить академію, въ которой бы преподавался полный курсъ свободныхъ наукъ, «ими же цѣлость академіи, сирѣчь училища составляется (89).» Для осуществленія высокой своей мысли онъ обратился (1681 г.) къ восточнымъ патріархамъ съ просьбою прислать способныхъ для того учителей. На его зовъ Іоанникій и Софроній Лихуды, ученые греки (90), въ самомъ началѣ 1685 года прибыли въ Москву съ одобрительными грамотами отъ собора вселенскихъ патріарховъ и, въ короткое время, довели ввѣренное имъ греческое училище до такого состоянія, въ какомъ оно, по праву, могло бы усвоить себѣ названіе академіи. Но, по обстоятельствамъ, они надолго устранены были отъ своихъ должностей (91). На ихъ мѣста опредѣлены были наставниками ихъ же старшіе ученики, русскіе, Николай Семеновъ и Ѳедоръ Поликарповъ (1694—1699 г.). Въ 1699 году замѣнилъ ихъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, ихъ же товарищъ по ученію у Лихудовъ, Чудовскій монахъ Іовъ. Послѣ Іова (1700 г.) академія поручена была Палладію Роговскому, игумену Заиконоспасскаго монастыря, также ученику Лихудовъ, получившему въ иностранныхъ училищахъ ученое окончательное образованіе и званіе доктора въ Римѣ (92). Послѣ того указомъ царя велѣно было рязанскому Митрополиту Стефану Яворскому завести въ томъ же монастырѣ и академіи *латинскія ученія* и для того вызваны были учители изъ Кіевской духовной академіи. Между тѣмъ въ 1709 году Софроній Лихудъ,

по повелѣнію Петра I, перемѣщенъ былъ изъ Новгородской греческой школы учителемъ въ греческую же школу, существовавшую тогда отдѣльно на казанскомъ подворьѣ въ Москвѣ. Оттуда она переведена была въ Заиконоспасскій монастырь и окончательно соединена съ латинскими школами подъ одно академическое начальство, когда свѣтскій грекъ, Аѳонасій Скіада, занимавшій въ ней мѣсто Лихуда съ 1722—1724, отказался отъ должности.

Такимъ образомъ, Заиконоспасская славяно-греко-латинская академія, учрежденная по мысли царя Ѳеодора II и устроенная въ составѣ своемъ учеными греками, послѣ поддерживалась русскими, не прибѣгая къ помощи *рѣчи посполитой*. Оттуда мы даже не хотѣли и рѣшительно не принимали наставниковъ по давнему неразположенію къ ней, усиленному частыми непріязненными столкновеніями въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ. Первые наши цари охотнѣе желали видѣть у себя учителями въ художествахъ и ремеслахъ, въ языкахъ и наукахъ, изъ дальнихъ странъ протестантскихъ, нежели изъ сосѣднихъ латинскихъ. Самымъ заведеніемъ типографіи Москва обязана была не Польшѣ (93), какъ иные полагали, а Даніи (94). Безпрестанно огорчаемые воплями единовѣрцевъ своихъ въ югозападной Руси отъ притѣсненій поляковъ и извѣдавъ на дѣлѣ ихъ коварство и вкрадчивое обращеніе во время невзгодъ отечества, великороссы подозрительно смотрѣли на всякаго выходца оттуда и невсегда довѣряли даже благовиднымъ ихъ предложеніямъ. Вотъ одинъ случай изъ многихъ. Когда за предѣлами московскаго государства разнеслась вѣсть, что въ Москвѣ предполагаютъ учредить академію, уче-

ные изъ сосѣднихъ намъ западныхъ странъ, разныхъ вѣроисповѣданій, спѣшили предложить свои услуги въ образованіи православнаго юношества и въ сѣверовосточной Руси и одинъ за другимъ являлись въ Москву. Но самое разновѣріе ихъ и взаимная нетерпимость помогали правительству вовремя понимать своекорыстные ихъ виды. Стремясь къ одной и той же цѣли завладѣть правомъ обученія, какъ монополіею (95), каждый изъ нихъ думалъ выиграть и угодить правительству обличеніемъ своего совмѣстника въ нечистотѣ исповѣданія христіанской вѣры. Такъ, Янъ Бѣлобоцкій на судѣ патріарха былъ обличенъ въ различныхъ заблужденіяхъ въ слѣдствіе доноса на него, сдѣланнаго Павломъ Негребецкимъ отъ 19 Мая 1681 года (96). Между тѣмъ, неоднократныя предложенія и самаго Негребецкаго пригласить ученыхъ изъ югозападныхъ русскихъ областей не были уважены, не смотря на то, что онъ увѣрялъ въ отличныхъ достоинствахъ рекомендованныхъ имъ людей и особенно хвалилъ въ нихъ ревность и усердіе къ православію. По той же простой причинѣ и Симеонъ Петровскій Ситіановичь Полоцкій, въ продолженіе служенія своего при дворѣ (1664 — 1680 г.) царя, не пользовался довѣріемъ московскаго духовенства (97). При такомъ состояніи дѣлъ понятнымъ становится, почему правительство сочло нужнымъ даровать весьма важныя и обширныя права начальнику и наставникамъ академіи, поручая ихъ вѣденію и иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Москву (98).

Такъ строго и осмотрительно было наше правительство въ средствахъ къ образованію юношества. Обученіе греческому языку и укорененіе православія въ юныхъ сердцахъ русскій народъ изкони считалъ основ-

ными началами въ устройствѣ училищъ. Даже въ югозападныхъ областяхъ нашихъ, съ XVI ст. подвергавшихся опасности олатиниться подъ вліяніемъ иновѣрнаго правительства, греческій языкъ въ училищахъ иногда не уступалъ первенства латинскому. Въ уставѣ Луцкой православной школы предписывалось воспитанникамъ говорить между собою *погречески, пословенски и простою мовью* (99), а объ латинскомъ языкѣ ни слова. Правда, въ томъ краѣ латинскій языкъ былъ въ большемъ употребленіи, нежели греческій; но это и должно было случиться по тому, что, кромѣ современнаго уваженія къ нему во всѣхъ училищахъ западной Европы, онъ нуженъ былъ русскимъ, между латинами живущимъ, на сеймахъ, сеймикахъ, въ судахъ, гдѣ бѣднягарусинъ bez lacini placi winy (100). При всемъ томъ, Силвестръ Коссовъ въ апологіи своей (1635 г.) утвердительно говорилъ, что мы, «наставники православной кіевской коллегіи, и при латинскомъ языкѣ, стараемся и постараемся о томъ, что у насъ, по милости Божіей, грецизмъ будетъ ad chorum, а латинь ad forum.» Другія обстоятельства сопровождались и иными послѣдствіями въ сѣверовосточной Руси. Во всѣхъ грамотахъ своихъ восточные патріархи заповѣдывали учить въ православныхъ училищахъ преимущественно греческому языку, приводя убѣдительнѣйшіе доводы и примѣры; а въ грамотѣ отъ 10 Авг. 1693 г. патріархъ іерусал. Досифей писалъ царямъ: «мы и св. Константинъ патріархъ и весь соборъ приказали имъ (Лихудамъ) языка латинскаго и ученія что бы не учили въ школѣ, опричь Еллинскаго. . . . Подобаетъ же и Вашему великому и св. царствію божественнѣйшіе и Богомъ вѣнчанные само-

держцы яко да возбраните ученіе латинское отъ школъ потому, что на латинскомъ языкѣ многіе суть ереси и безбожества. . . . Довольно есть, чтобъ толкователи были латинскаго языка для единой только службы пречестнаго престола царскаго (101).» Такъ писалъ просвѣщеннѣйшій Іерархъ своего времени, прозорливо остерегая русское правительство въ образованіи юношества въ такое время, когда малѣйшая неосмотрительность допустила бы неправое ученіе, не для всѣхъ замѣтное въ началѣ, но ужасное по слѣдствіямъ. И сѣверовосточная Русь уважала греческій языкъ какъ оплотъ православія и залогъ единства восточной церкви.

Что же касается до православія, основнаго начала русской народности, то оно всегда и въ XVII в. особенно строго хранимо было во всѣхъ начинаніяхъ и предпріятіяхъ. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ желалъ имѣть учителей искусныхъ въ наукахъ а «пачеже свидѣтельствованныхъ въ вѣрѣ и догматѣхъ греческаго закона.» Восточные патріархи избираютъ Лихудовъ и рекомендуютъ ихъ «какъ чистыхъ душами и догматами, объятыхъ философскими и богословскими науками толико, яко силу имѣти довольную и учениковъ научати, сіяніемъ истиннаго православія свѣтозарно возсіявшихъ, свѣтлости благоплодіе сохраняющихъ (102).»

Но лихуды невполнѣ оправдали ожиданія патріарховъ. Около 9 лѣтъ пробывъ въ Падуанскомъ университетѣ, они совершенно усвоили себѣ высшее западное образованіе. Съ докторскими дипломами прибыли потомъ въ Москву и, вопреки запрещенію восточныхъ патріарховъ, сколько извѣстно, первые въ Москвѣ писали и преподавали нѣкоторыя высшія науки и на латинскомъ языкѣ.

Они увлеклись примѣрами ученыхъ мужей Италіи, гдѣ была колыбель латинскаго языка и откуда онъ, по возрожденіи наукъ, разпространился какъ языкъ ученый, на которомъ писать ученыя сочиненія и учебники становилось необходимостію или особенною честію. Такъ было на западѣ Европы, такъ поступали Лихуды и у насъ, когда имъ ввѣрено было преподаваніе высшихъ наукъ въ словено-греко-латинскомъ училищѣ; они даже излагали ихъ въ томъ видѣ, какъ переняли у своихъ учителей, которыхъ учебники, вѣроятно, были у нихъ подъ рукою. Въ этомъ убѣждаетъ насъ опытъ сличенія риторикъ, оставшихся отъ того времени: риторика Космы Аѳоноиверскаго святогорца, одного изъ учениковъ Лихудовыхъ, конченная въ 1710 году въ Чудовѣ монастырѣ, въ сущности немногимъ разнится отъ риторики Іоанникія Лихуда и есть подражаніе изданной въ Венеціи въ 1681 году (103). «Съ Богомъ починается риторика новая,» такъ пишетъ авторъ святогорецъ во введеніи, «изъятая отъ Іерея Фригкійска Скифа Критскаго.» А этотъ Скифъ (Скуфъ) критскій есть падуанскій ученый, Богословъ, философъ и риторъ, жившій въ концѣ XVII вѣка и былъ, можетъ статься, наставникомъ Лихудовъ. Слѣдственно, Лихуды первые въ великороссіи положили основаніе схоластическому образованію, существовавшему на западѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ первенству латинскаго языка, какъ общеупотребительнаго ученаго. Полладій Роговскій, великороссъ по произхожденію и по первоначальному образованію, еще болѣе усилилъ его. Послѣ Лихудовъ онъ училъ въ академіи московской только на латинскомъ языкѣ, которому научился онъ во время 7-лѣтняго пребыванія въ одномъ Римѣ, кромѣ по-

сѣщенія другихъ заграничныхъ училищъ. Преемникамъ его, вызваннымъ изъ кіевской академіи, оставалось только продолжать то, что до нихъ было уже заведено. (Недостатокъ въ ученыхъ грекахъ благопріятствовалъ усиленію латинскаго языка въ великорусскихъ духовныхъ училищахъ въ XVIII столѣтіи.)

Начало XVIII вѣка ознаменовано было учрежденіемъ въ московскомъ царствѣ многихъ училищъ въ духовномъ вѣдомствѣ и въ гражданскомъ. Почти каждое изъ первыхъ основаніемъ своимъ, всѣмъ своимъ устройствомъ и, по большей части, даже содержаніемъ, одолжено было кому-нибудь изъ воспитанниковъ кіевской академіи, занимавшему мѣсто Іерарха, слѣдственно русскому и православному (104). Не забудемъ при этомъ и новгородскихъ духовныхъ училищъ, въ 1706 г. устроенныхъ Лихудами и ихъ учениками по волѣ митрополита Іова. На учрежденіе же гражданскихъ училищъ обращено было непосредственное вниманіе правительства. Разсылая по разнымъ государствамъ въ науку молодыхъ дворянъ и купеческихъ дѣтей (105), Петръ I и у себя, дома, открывалъ школы, въ которыхъ учителями были нѣмцы и русскіе. Прибывъ въ Москву въ 1703 году, онъ учредилъ въ ней «ученіе геометріи и астрономіи (106).» Эта школа была, кажется, ядромъ училищъ, въ непродолжительное время получившихъ отдѣльное бытіе, какъ видно изъ слѣдующихъ случаевъ: отъ 3 августа 1708 г. Петръ I въ письмѣ своемъ напоминалъ адмиралу Апраксину стараться о размноженіи математическаго ученія, оканчивая его такъ: «понеже сами можете видѣть, какая въ томъ есть польза, что неточію морскому ходу нужна сія школа, но и артиллеріи и инжинерству (107).» И въ са-

момъ дѣлѣ, изъ Высочайшихъ указовъ Сенату отъ 16 января, отъ 6 и 9 марта 1712 года, и военной канцеляріи отъ 19 ноября 1713, видно, что въ ту пору уже отдѣльно существовали школы, инженерная, артиллерійская и морская (108), и находились подъ управленіемъ нѣмцевъ. Между прочимъ, въ первомъ изъ упомянутыхъ указовъ сказано: «сыскать мастера (знатока, учителя) изъ русскихъ, который бы училъ цифири (109).» Въ этомъ отношеніи еще замѣчательнѣе повелѣніе Петра I въ 1714 году «учредить во всѣхъ мѣстахъ Россіи ариѳметическія и геометрическія школы не только для дворянскихъ но и для приказнаго рода дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, для чего послалъ во всѣ губерніи къ Губернаторамъ, къ Архіереямъ и въ знатныя монастыри изъ обучающихся въ математической школѣ, повелѣвъ открыть оныя въ домахъ архіерейскихъ и въ знатныхъ монастыряхъ, и учителямъ симъ опредѣля жалованье, предписалъ давать обучившимся совершенно свидѣльствованныя письма за своими руками. . . . а безъ таковыхъ свидѣтельствованныхъ писемъ выпущеннымъ изъ школъ не позволять вступать въ брачныя обязательства и вѣнечныхъ не давать памятей (110).» Вотъ изъ какихъ источниковъ мудрый Монархъ заботился разпространить просвѣщеніе между вѣрноподданными своими и вотъ какими путями думалъ онъ провести его въ жизнь народа, а о содѣйствіи Польши въ то время и не думали (111).

Изъ историческаго обозрѣнія хода научнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ сами собою возникаютъ предъ нами тѣ лица, которые принимали живѣйшее и ближайшее участіе въ его зарожденіи и преуспѣяніи,

храня и размножая его болѣе или менѣе въ духѣ коренныхъ началъ русской народности. Польша по характеру своему и по роду отношеній къ намъ менѣе другихъ странъ способна была дѣйствовать научнымъ путемъ въ нашемъ образованіи. Наши предки такъ опасливы были и строги въ выборѣ наставниковъ для образованія юношества, надежды благоденствія грядущихъ поколѣній, что всякую новую мѣру къ тому зрѣло обсуживали и осмотрительно принимались разширять кругъ своихъ знаній, опасаясь научиться чему-нибудь неправославному, а въ латинствѣ-то они и видѣли самую опасную для себя ересь (112). За то довѣрчиво принимали все, въ чемъ вразумляли ихъ греки, единовѣрцы, изкони вѣковъ соединенные съ нами самыми священными въ мірѣ связями. Въ послѣдствіи времени, на дѣлѣ познакомившись съ плодами европейской образованности и убѣдясь въ сильномъ вліяніи разносторонняго просвѣщенія на гражданственность обществъ, они допускали въ кругъ своей дѣятельности и иновѣрцевъ, преимущественно же нѣмцевъ. Однакожъ необходимость въ нихъ сознавали только при начатіи дѣла, а потомъ истинные патріоты въ ученикахъ ихъ желали видѣть и нерѣдко находили отличныхъ мастеровъ русскихъ.

Въ заключеніи всего припомнимъ, что приговоръ въ подобныхъ изслѣдованіяхъ большую или меньшую степень достовѣрности имѣетъ, смотря по тому, на чемъ онъ основывается, какимъ путемъ и изъ какихъ источниковъ выведенъ. Одно наведеніе, безъ опоры на дѣйствительныя современныя данныя, разносторонне обдуманныя, всегда останется предположеніемъ, нерѣдко далекимъ отъ истиннаго положенія обсуживаемаго вопроса·

Только съ голоса лицъ, нѣкогда дѣйствовавшихъ въ обществѣ, и изъ свидѣтельствъ, близкихъ къ разсматриваемой епохѣ, составляется непреложная истина! Раскрытіе ея въ надлежащемъ свѣтѣ нынѣ облегчено щедротами правительства, обнародовавшаго такъ много памятниковъ письменности нашего отечества, которые прямѣе и удовлетворительнѣе всѣхъ нашихъ гаданій объясняютъ довпоминувшую жизнь предковъ во всемъ разнообразіи ея насущныхъ потребностей. —

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Сводъ всѣхъ мнѣній по этому вопросу и доводовъ въ пользу болгарскаго нарѣчія можно видѣть въ III гл. сочиненія *о языкѣ церковно-словенскомъ, его началѣ, образователяхъ и историческихъ судьбахъ* К. Зеленецкаго, 1846 года. Справедливость требуетъ однакожъ замѣтить, что изслѣдователи до сихъ поръ стремились достигнуть результата только путемъ побочныхъ разновременныхъ свидѣтельствъ, а не анализомъ содержанія самаго предмета.

2. Сравни: Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка славяно-россійскаго съ греческимъ пресвитера К. *Экономида* 3 ч. 1828 года,—Аббата *Добровскаго* грамматику славянскаго языка по древнему нарѣчію въ 3-хъ ч. и особенно III ч. стр. 89 и 90,—также разсужденіе А. Х. *Востокова* въ 17 ч. трудовъ общества *Л.* Р. сл. при м. университетѣ 1820 г.,—М. *Максимовича* исторіи древней русской словесности 1839 г. кн. I стр. 165—168,—Ст. *Шевырева* исторіи рус. словесности ч. I стр. 177 (1846 года),—Іоанна Екзарха Болгарскаго, изд. Калайдовичемъ (1824 г.) стр. 121.
3. Иностранецъ Лудолфъ, составитель первой русской грамматики, изд. въ Оксфордѣ въ 1696 году: зри Вѣстникъ европы 1807 г. № 16, августъ, стр. 292 и 293.
4. Труды общества любителей русской словесности при москов. университетѣ ч. 17 стр. 7 и слѣд.; Сличи Іоанна Екзарха Болгарскаго, изд. Калайдовичемъ, стр. 8, 68 и 103 и Описанія рукописей румянцевскаго музеума, состав. А. Х. Востоковымъ 1842 г., стр. 9, 185, 506 и мн. др.
5. Pamiętniki o dziejach piśmiennictwie i prawodawstwie Slowian, wyd. W. Al. Maciejowski 1839, ч. I, стр. 156 и слѣд.
6. Описаніе рук. румянц. музеума стр. 153, 154, 158, 165, 253, 448, 606, 712 и м. др.; Іоаннъ Екз. Болгар., изд. Калайдовичемъ, стр. 62, 90 и др.
7. Описаніе рук. рум. муз. стр. 9. 184, 506 и м. др.
8. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изд. археогр. Коммиссіею, т. I стр. 3, 5 и 6.

9. Исторія древ. рус. словесности стр. 88 и 89.
10. Ж. М. Н. Просвѣщенія 1841 г., ч. 29, отд. IV, стр. 36, — Описаніе рук. рум. муз. стр. 185, 191, 506 и др.
11. Полное собраніе законовъ россійской имперіи т. I, стр. 1000, № 597, 1675 года; Сравни грамоты новгородскія и московскаго государства; Описаніе рук. рум. муз. №№ CV, CXII и под.
12. Исторія объ уніи Бантышъ-Каменскаго 1805 г. стр. 34—37.
13. Ж. М. Н. П. 1838 г. ч. 17 въ статьѣ о русскомъ языкѣ Іоанна Могилевскаго.
14. Wiadomość o statucie Litewskim B. Linde 1816 года стр. 15; Клечевскій же и Копчинскій, польскіе филологи прошлаго столѣтія, доказывали, что польскій языкъ заимствовался отъ русскаго: Ж. М. Н. Пр. 1838 г., ч. 17, стр. 38.
15. Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, изд. археогр. ком, спб., 1846 г., т. I, № I грамота.
16. Тамъ же грамота подъ № 22.
17. Акты историческіе, изд. археогр. ком. 1841 г., т. I, № 2.
18. Акты, отн. къ исторіи зап. Россіи, т. I, № 179, стр. 205.
19. Тамъ же подъ № 42.
20. Тамъ же подъ № 189.
21. Тамъ же подъ № 221.
22. Бѣлорусскій архивъ 1824 г. М. № 23.
23. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильно, Ковно и пр. 1843 г., ч. 2., № 89.
24. Тамъ же ч. 2 подъ № 31.

25. Акты, отн. къ зап. Россіи, т. I. № 23 и 24.
26. Вечеря душевная, 1683 г. М.: изъ перваго слова на усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя.
27. Исторія кіев. духов. академіи іеромонаха Макарія Булгакова 1843 г. стр. 77.
28. Вѣнецъ Христовъ 1688 г. Кіевъ: изъ 2 слова въ 4-ю недѣлю по пасхѣ.
29. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей рос. при москов. университетѣ 1846 г. № I стр. 65.
30. Сказанія Кн. Курбскаго, 1833 г., ч. I, стр. LIV.
31. Истор. акты, изд. арх. ком., т. I, № 58.
32. Юридич. акты, изд. арх ком., т I, № 10.
33. Истор. акты, изд. арх. ком., т. II, № 5.
34. Тамъ же, т. III, № 296, стр. 477.
35. Записки Ив. Ас. Желябужскаго, изд. Сахарова 1841 г, стр. 10.
36. Истор. акты, изд. арх. ком., т. V, № 283, стр. 516.
37. С-Петербургскія вѣдомости 1704 г. 13 іюня.
38. Тамъ же, 1705 года 18 декабря.
39. Инструкціи и артикулы военные, надлежащіе къ россійскому флоту, М. 1710 г., артикулъ 12, стр. 11.
40. Меморіалъ, каковъ по указу Его Царскаго Величества поданъ англійскому двору 1719 г., печатанъ 1720 г. Спб. стр. I.
41. Entwurf zum Etymologicon - Добровскаго стр. 74; Ученыя записки московскаго университета 1834 г. въ лекціи о составныхъ началахъ и направленіи древней отечественной словеспости.
42. Труды общ. люб. р. сл. при м. уп. ч. 17, стр. 42.

43. Энциклопедическій лексиконъ т. IX, 1837 г., въ статьѣ *Великая Россія.*
44. Ж. М. Н. Пр. *№* 12, 1845 года, о сродствѣ звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ.
45. Труды общ. люб. р. сл. при м. ун. ч. 17, стр. 9.
46. Умозрительныя и опытныя основанія словеспости 1834 г., 2 ч., стр. 101 и 102.
47. Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, стр. 121.
48. Сочиненія Ивана Посошкова, изд. М. Погодина 1842 г., М., стр. 11.
49. Зри стр. 65 — 92 и 37, 47 — 50.
50. Сличи въ склоненіи примѣры въ грамматикахъ М. Смотрицкаго, изд. 1619 и 1648 и 1723.
51. Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ ортографіи В. Тредіаковскаго 1748 г., примѣч. къ § 278.
52. Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, стр. 198 и слѣд.
53. Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стіховъ В. Тредіаковскаго спб. 1735 года, стр. 16 20, 87. Того же автора разговоръ между чужестр. человѣкомъ и россійскимъ объ ортографіи стр. 298 и др.
54. Въ послѣднемъ сочиненіи авторъ, въ подражаніе латинскому языку, назначалъ прилагательнымъ русскимъ оканчиваться въ множ. числѣ именит. падежа въ мужской формѣ на *ыи*, въ женской на *ые*, въ средней на *ыя*, вопреки введенному уже съ 1733 г. обыкновенію въ гражданскомъ языкѣ, какъ и самъ въ томъ же параграфѣ говоритъ, окапчивать муж. форму на *ые*, а жен. и сред. на *ыя*. Послѣднія окопчанія отвергнуты имъ, какъ взятыя отъ *подлаго*

народа: «Кто изъ мужиковъ,» говоритъ онъ, «на московской площчаді, інако къ себѣ кушать просітъ, какъ *добрые* молодцы, на вотъ горячіе.» стр. 293 и 308. Позднѣе А. П. Сумароковъ скорбѣлъ, «что порчею языка лишились мы сея точности и силы въ глаголахъ: видѣхъ, видѣлъ, видѣ, видѣхомъ, видѣстѣ, видѣша» (полное собраніе сочиненій 1787 г. ч. X, стр. 23 въ статьѣ о правописаніи), т. е., формъ церковнословенскаго языка, когда въ литтературномъ языкѣ стали употреблять восточнорусскія, когда послѣднія и въ грамматику введены Ломоносовымъ. Да и самая грамматика Ломоносова, по его мнѣнію, составлена была на *холмогорскомъ* нарѣчіи, а не на московскомъ благородномъ (тамъ же стр. 57), и, слѣдовательно, будто Ломоносовъ испортилъ языкъ, бывъ не москвитяниномъ, какъ многое, по его словамъ, преображаютъ въ немъ и «великороссійскія дьячки, подьячіе и бабы (стр. 26).» —

55. Исторія древней рус. словесности кн. I стр. 96—128.
56. Полное собраніе рус. лѣтописей, изд. арх. ком., т. I, стр. 51.
57. Тамъ же т. III стр. 121, 179 и 210; Исторія древ. рус. словесности кн. I, стр. 59, примѣч.
58. Полное собр. рус. лѣт, изд. арх. ком., т. I, стр. 112.
59. Татищева исторія россійская, изд. 1773 г., т. 2, стр. 181.
60. Исторія древ. рус. слов. кн. I, стр. 71.
61. Тамъ же стр. 48 — 75; Ж. М. Н. П. 1841 г. № 29, отд. II стр. 1 — 27.

62. Русская исторія Н. Устрялова 1837 г. ч. II, стр. 112; Pamiętniki o dziejach piśmiennictwie i prawod. . . . . Slowian wyd. przez W. Al. Maciejowskiego 1839 ч. I, стр. 335.

63. Ж. М. Н. П. 1839 г., ч. XXIII, стр. 135—139 и 1837 г. т. XV, стр 427.,—Рус. исторія Н. Устрялова, ч. II, стр. 323 и слѣд.

64. Исторія объ уніи Бантышъ-Каменскаго 1805 года, стр. 53.

65. Septem liberales получили начало въ V ст. по Р. Х., когда римскій филологъ Марціанъ Капелла стихами написалъ Satyricon — своего рода энциклопедію, состоящую изъ 9 книгъ. Двѣ изъ нихъ (de nupciis philologiae et Mercurii) составляютъ введеніе въ прочія *семь*, излагающія *семь свободныхъ искуствъ*: грамматику, логику, риторику, геометрію, ариѳметику, астрономію и музыку. Эту седмерицу и въ стихахъ излагали:

Gram loquitur, *Dia* verba docet, *Rhe* verba ministrat,
Mus canit, *Ar* numerat, *Ge* ponderat, *As* colit astra.

66. Любопытный московскій мѣсяцословъ на 1776 годъ въ каталогѣ митрополитовъ.

67. Описаніе Кіевософійскаго собора, стр. 165 и историческій словарь писателей духов. чина, 2 изд., т. I, стр. 212.

68. Исторія Государ. Рос., изд. 5, кн. I, т. III, стр. 67 и 68; т. IV стр. 33 и 43; Turg. Hist. Russiae monum t. I, № LXII — LXVI, LXX — LXXIII, LXVIII и LXIX и др.

69. Исторія объ уніи Бантышъ-Каменскаго 1805 года, стр. 33.

70. «Невозможно избрати такихъ людей», отвѣчали папѣ, «которые бы къ такому дѣлу были годны; а какъ такіе люди обраны будутъ и впредь такихъ людей къ папѣ пришлютъ.» Древ. рос. Вивліоѳ., изд. 2, ч. VI, стр. 101.

71. Въ сборникѣ кн. Оболенскаго, изд. 1838 г., № 7, стр. 9.

72. Исторія россійской іерархіи ч. I, стр. 411: Геннадій архіепископъ новгородскій въ грамотѣ къ Симону москов. митрополиту отъ 1500 г. говорилъ: «билъ есьми челомъ государю великому князю, чтобъ велѣлъ училища учинити. А ведь язъ воспоминаю своему государю на его жъ честь, да на и спасеніе, а намъ бы просторъ былъ.» Тамъ же стр. 413, по жалобѣ царя на небрежное ученіе русской грамотѣ ставленниковъ члены стоглаваго собора отвѣчали, что нѣтъ въ Россіи училищъ и учиться негдѣ, кромѣ вольныхъ и неискусныхъ учителей: «Прежде сего де въ россійскомъ царствѣ на Москвѣ и великомъ Новгородѣ и по инымъ городомъ многія училища бывали, грамотѣ и писати и пѣти и чести учили и потому тогды грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести гораздыхъ много было.» Скрижаль, изд. патріархомъ Никономъ 1656 г., 6 гл. постановленій собора 1551 года.

73. Русская исторія Н. Устрялова, ч. II, стр. 56 и 57.

74. Исторія госуд. рос., кн. III, т. IX стр. 52, и примѣч.; Сказанія современниковъ о Димитріи самозванцѣ 1831 г., ч. I, стр. 12 и 13.

75. Митрополитъ Евгеній въ историческомъ словарѣ писателей духовнаго чина (изд 2, ч. I, стр. 48 и 49) говоритъ: «Арсеній, Грекъ, Іеромонахъ (былъ) основатель и учитель греко-латино-словянской школы при патріаршемъ дворѣ въ царствованіе государя царя Михаила Ѳеодоровича и въ бытность патріарха Филарета (ум. 1 Окт. 1633 г). Адамъ Олеарій, Голштинскаго посольства въ Россію и Персію, бывшаго съ 1633 до 1639 года, секретарь свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ, что онъ сію школу и учителя видѣлъ, и что въ то время царь и патріархъ намѣревались и во многихъ мѣстахъ россійскаго государства завести греко-латинскія школы.» Почти тоже самое пишетъ сочинитель статьи объ училищахъ (Творенія св. отецъ въ русскомъ переводѣ при москов. духов. академіи 1845 г кн. 2, стр. 154 въ прибавленіяхъ), ссылаясь на 280 стр. Reisebeschreibung Олеарія, изд. въ 1647 г. въ Шлезвигѣ. Но ни въ указанномъ мѣстѣ Олеаріева Reisebeschreibung, ни въ другомъ какомъ-либо, ни слова объ училищѣ въ Москвѣ и незнаемъ, откуда взяты приведенныя извѣстія. Въ пополненномъ же описаніи того путешествія и переведенномъ на французскій языкъ подъ заглавіемъ: Relation du voyage d'Adam Olearius en Moscowie. . . augmentée et traduite de l'allemand par A de Wikvefort, t. I, edit. seconde a Paris MDCLXXIX an. стр. 238, вотъ что говорится объ этомъ: «Depuis quelques années ils ont ouvert une escole du consentement du patriarche, où l'on enseigne le grec et le latin, sous la direction d'un grec naturel, nommé Arsenius.»

76. Древняя рос. вивліоѳика, изд. 2, ч. XVIII, стр. 396—422.

77. Тамъ же ч. VI, стр. 404; а на стр. 401, ч. XVIII, говорится: Ртищевъ вызвалъ изъ Кіева Епифанія, «въ языцѣ славенскомъ и греческомъ и во иныхъ изящнаго, къ сему же и другихъ иноковъ, во ученіи грамматики славенской и греческой, даже до риторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати.»

78. Полное собраніе законовъ росс. имперіи, т. I, стр. 166: грамота царя отъ 14 мая 1649 г. на имя кіевскаго митрополита Силвестра Коссова.

79. По отзыву современниковъ мужъ мудрый, многоученый, нетокмо грамматики и риторики, но и философіи и самыя ѳеологіи извѣстный испытатель и изящный дидаскалъ, искуснѣйшій разсудитель и опасный претолковникъ еллинскаго, славянскаго и польскаго діалектовъ: Истор. словарь о писат. духов. чина, изд. 2, ч. I, стр. 177 и слѣд.

80. Выписка изъ челобитной Арсенія боярину Салтыкову, въ рукописи хранящейся въ москов. дух. акад. подъ № 177, помѣщена въ твореніяхъ св. отецъ въ рус. переводѣ 1845 г., кн. 2, стр. 152 въ прибавленіяхъ.

81. Баронъ Майербергъ, посолъ римскаго императора Леопольда къ царю Алексѣю Михайловичу, жившій въ Москвѣ съ 25 мая 1661 до 6 мая 1662 года, приписываетъ паденіе Никона, между прочимъ, чрезвычайной охотѣ его къ новостямъ и тому, что для искорененія невѣжества онъ открылъ въ Москвѣ училища языковъ латинскаго и греческаго: Liberi Baronis de Mayerberg iter in Moscoviam, стр. 87.

82. Такъ говорилъ на Варшавскомъ сеймѣ 1620 г. въ присутствіи сенаторовъ и пословъ предъ тономъ Сигизмунда III Лаврентій Древинскій, депутатъ земли Волынской: исторія объ уніи Б.-Каменскаго 1805 г. стр. 69.

83. Паисій Лигаридъ, бывшій Газскій митрополитъ, писалъ въ заключеніи опроверженія своего Соловецкой челобитной: «искахъ и азъ корене духовнаго сего недуга (ересей). . . . . напослѣдокъ, умомъ обращая, обрѣтохъ изъ двою истешкее, сиже есть: отъ лишенія и не имѣнія народныхъ училищъ. . . . Прехрабрый нѣкто воевода Алкивіадъ отвѣтъ даде древле Аѳинамъ, яко ко благополучно-ратованію три вещи нужны: первая есть злато, вторая есть злато, третья злато. Азъ же, вопрошенъ о санѣ церковномъ и гражданскомъ, кіи бы были столпы и завѣсы обою, реклъ быхъ: первое училища, второе училища, третье училища.» Обращаясь потомъ къ царю, продолжаетъ: «подражай Ѳеодосіемъ, Юстиніаномъ, и созижди здѣ училища ради остроумныхъ младенецъ, ко ученію трехъ языкъ коренныхъ наипаче: греческаго, латинскаго и славянскаго.»

84. Грамоты напечатаны на стр 168 — 171 въ прибавленіяхъ къ твореніямъ св. от. въ рус. переводѣ при м. дух. ак. 1845 г. кн 2.

85. Исторія рос. іерархіи, ч. I, стр. 419: «По прошенію прихожанъ московской церкви Іоанна Богослова вселенскіе патріархи дали за подписаніемъ своимъ грамоту, чтобы у нихъ священнику быть ученому, могущему учити народъ, и при церкви сей быть школѣ греческія и славянскія грамматики.» Сохра-

нилось еще письмо прихожанъ той же церкви къ неизвѣстному лицу, въ которомъ сказано: «еще же и другую благородную и полезную православному народу умысливше вещь, сирѣчь словенскія грамматики училища состроеніе, учителя и учениковъ пристяжаніе, написахомъ челобитную ко пресвѣтлому царскому величеству, да изволитъ сіе начинаніе къ совершенію возводити.» Изъ рукописи синодальн. биб. № 130, л. 153, въ твор. св. от. въ рус. переводѣ при м. д. ак. 1845 г. кн. 2, стр. 167 въ прибавленіяхъ.

86. Историческое извѣстіе о московской академіи, составленное въ 1726 году Θеод. Поликарповымъ, однимъ изъ первыхъ ея воспитанниковъ, и дополненное Смоленскимъ епископомъ Гедеономъ Вишневскимъ, помѣщено въ древ. рос. вивл., изд. 2, ч. XVI, съ 295 стр.

87. «Царь, слышавъ свободныхъ греческихъ наукъ, къ восточной благочестивой вѣрѣ потребныхъ, предъ прежними лѣты оскудѣніе, возжела тамо умаляемое ученіе здѣ (въ Москвѣ) насадити и умножити.»

88. Грамота Іерусалим. патріарха Досифея и въ собраніи государственныхъ грамотъ т. IV, стр. 421.

89. Древняя рос. вивліоѳ., изд. 2, ч. VI, стр. 397.

90. Истор. словарь о пис. духов. чина, изд. 2, ч. I, стр. 232 и ч. II, стр. 225. Любопытна и важна ихъ автобіографія въ концѣ рукописи румянц. музеума № 243, озаглавленной *мечецъ духовный.*

91. Сперва посланы въ подначалъ въ Москвѣ въ новоспасскій монастырь, а потомъ сосланы въ Ипатьевскій въ Костромѣ; оттуда, съ соизволенія Петра

I, въ 1706 г. взялъ ихъ къ себѣ новгородскій митрополитъ Іовъ для учрежденія въ своей епархіи училищъ. Софроній, по повелѣнію царя, въ 1709 г. былъ вновь опредѣленъ учителемъ въ московское словено-греко-латинское училище, гдѣ и оставался до 1722 года, а Іоанникій, пробывъ въ Новгородѣ до кончины митрополита Іова (ум. 1716 г.), по указу Петра I, вызванъ былъ въ Москву и тамъ скончался 7 авг. 1717 года.

92. Древ. рос. вивліоѳ., изд. 2, ч. XVIII, стр. 148 — 197; Сынъ отечества 1840 г., августъ; Истор. словарь о пис. дух. чина, изд. 2, ч. II, стр. 149.
93. Исторія госуд. россійск., изд. 5, т. IX, примѣч. 91.
94. Русскій историческій сборникъ общества исторіи и древностей рос. т. IV, стр. 117 — 131; Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ гр. Ѳ. А. Толстаго, изд. П. Строева, стр. VII; Библіограф. словарь В. Сопикова, ч. I, стр. LVI.
95. Истор. словарь о писат. дух. чина, изд. 2, ч. I, стр. 233 и слѣд.
96. Тамъ же стр. 236 и на 179 стр. прибавленій къ 2 кн. твор. св. отецъ въ рус. пер. при м. д. ак. 1845 года; Описаніе рук. румянц. музеума, стр. 44 и 45.
97. «Симеону же Полоцкому не изволи о. Епифаній (Славинецкій) у дѣла сего быти того ради, зане, аще и ученъ бѣ и знаяше нѣчто, но латински точію; гречески же ниже малѣйше что-либо знаяше,» говоритъ современная записка о переводѣ библіи Славинецкаго съ товарищами, умалчивая объ истинныхъ причинахъ отклоненія его отъ сотрудничества, которыя обнаружены были позднѣе по другому

дѣлу: Соборъ московскаго духовенства 1690 г. оподозрилъ догматическія сочиненія Полоцкаго и патріархъ Іоакимъ въ словѣ своемъ, читанномъ на соборѣ, такъ отозвался объ немъ: «Каковою же мыслію писа онъ тая вся, отъ ревности ли каковыя или ухищрепно, ко еже прельстити православныя и въ папежство ввести, совѣсть его вѣсть.» Истор. слов. о писат. дух. чина, ч. II, стр. 215. Тамъ же на 210 стр. прибытіе его въ Москву означено невѣрно 1667 годомъ: въ 1671 году онъ самъ писалъ царю: «живу я по твоему великаго государя указу въ Москвѣ *семь* лѣтъ.» 3-е письмо въ Вѣстникѣ Европы 1828 г., сентябрь.

98. Древн. рос. вивліоѳ., изд. 2, т. VI, въ грамотѣ.

99. Въ 1 т. памятниковъ временной кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, К. 1845 года, напечатанъ второй уставъ Луцкой православной школы (около 1624 г.) и на стр. 114 и 115 говорится: «Также учатъ на кажды' день, абы дѣти единъ другого пытѧ погрецку. абы ему ѿповѣдѧ пословенску, и тыжъ пытаются пословенску, абы пᴹ отповѣдано по простой мовѣ. И тыжъ не маютъ з собою мовити простою мовою, ено словенскою и грецкою.» Слич. 26 стр. исторіи кіевской духовной академіи іеромонаха Макарія Булгакова, 1843 года.

100. Такъ говоритъ Сильвестръ Коссовъ въ апологіи своей (1635 г.). Во второй половинѣ ея онъ доказываетъ необходимость латинскаго языка для русскаго народа въ томъ краѣ.

101. Собраніе записокъ о Петрѣ Великомъ Ѳ. Тумапскаго, ч. X, стр. 111, 115 и 116; Въ прибавле-

ніяхъ къ твореніямъ св. отецъ въ рус. переводѣ 1845 г., кн. 2, стр. 162, 169, 175 и 178.

102. Грамота ихъ въ концѣ рукописи румянц. музеума подъ № 243, *мечецъ духовный.*

103. Ж. М. Н. П., 1845 г., ч. 45, отд. V, стр. 86 и др.: Эта риторика (1681 г.) итальянскаго ученаго переведена была съ греческаго языка на русскій Писаревымъ и издана въ 1779 году и еще въ 1798 году подъ названіемъ *златословъ, или открытіе риторскія науки, соч. филаретомъ Скуфою:* у Сопикова въ библіограф. словарѣ, т. III, стр. 159, подъ №№ 4296 и 4297.

104. Исторія русской іерархіи, ч. I, стр. 421 — 457 и исторія кіев. дух академіи 1843 г. стр. 180—191.

105. Дѣянія Петра Великаго, соч. Голикова, изд. 2, т. V, стр. 76 и 222.

106. Тамъ же т. II, стр. 71. Между тѣмъ въ (С. Петербургскихъ) вѣдомостяхъ 1703 года 2 января въ Москвѣ напечатано: «повелѣніемъ Его Величества московскіе школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ філософію и уже діалектику окончили. Въ математіческой штюрманской школѣ болше 300 человѣкъ учатся, и добрѣ науку пріемлютъ.» Слѣдственно, послѣднія школы заведены раньше 1703 года; но когда?

107. Дѣянія Петра В., соч. Голикова, изд. 2, т. III, стр. 334.

108. Полное собраніе законовъ рос. имперіи т. IV, № 2467, пунктъ 17; т. V, № 2739; Дѣянія Петра В., 2 изд. Голикова, т. V, стр. 69 и 342; т. VI, стр. 346.

109. Этимъ случаемъ, кажется, оправдывается догадка

*

французскаго посланника Кампредона, которую онъ сообщилъ своему правительству изъ Петербурга отъ 30 января 1722 года: будто Петръ Великій строго велѣлъ всѣмъ дворянамъ (недорослямъ?) явиться въ С. Петербургъ для того, чтобы «узнать способныхъ на службу и замѣнить ими иностранцевъ, которыхъ онъ хочетъ вскорѣ уволить отъ службы и отослать.» Ж. М. Н. П. 1843 г. ч. XXXVII, отд. II, стр. 169.

110. Дѣянія Петра В., 2 изд. Голикова, т. V, стр. 222; т. VI, стр. 365; т. VIII, стр. 20.

111. Зри странное понятіе объ языкѣ и заведеніи училищъ въ великороссіи до XVIII в. въ 1-й части чтенія о русскомъ языкѣ 1840 г. стр. 85 и др.

112. Примѣчаніе 101 и истор. акты, изд. арх коммиссіею, т. V, № 218, стр. 374.

1847 г.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.